
РАБИНДРАНАТ ТАГОР

ПИ С Ъ М А
О РОССИИ

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

Письма
О РОССИИ

ПЕРЕВОД
С БЕНГАЛЬСКОГО

Государственное
издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1956

*Перевод М. Кафитиной
под редакцией Дж. Литтона*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рабиндранат Тагор (1861—1941) — великий индийский писатель и поэт, автор многочисленных драм, публицист, художник и общественный деятель.

Литературное наследие Тагора огромно: он написал около тысячи поэм, двенадцать романов и повестей, свыше восьми томов рассказов, более двух тысяч песен, двенадцать пьес и много работ по философии, культуре и религии Индии.

В своих лучших произведениях Тагор глубоко и правдиво отображал окружающую его действительность.

Самыми плодотворными в творчестве Тагора были 90-е годы XIX века. Эти годы Тагор провел в деревне, изо дня в день наблюдая тяжелую, беспросветную жизнь крестьян, задавленных средневековыми пережитками и произволом колониальных властей.

Рассказы этих лет («Расчеты», «Возвращение кхокабабу», «Непоправимое несчастье» и др.) согреты большой любовью к простым людям. В них и в других своих рассказах Тагор резко выступает против феодальных пережитков средневековья, против ханжества и лицемерия жрецов-брахманов («Жертвоприношение», «Освобождение»). С мягкой задушевностью и лиризмом рисует Тагор образы индийских женщин, более других страдавших от узости религиозных традиций и бесправного положения («Тетрадка», «Искупление», «Письмо женщины», «Судья»). В ряде рассказов Тагор разоблачает безнаказанный произвол английских колонизаторов, держащих народ в постоянном страхе и покорности.

В эпоху национального возрождения, которую переживала Бенгалия XIX века, Тагор не раз поднимал голос в защиту

национальной культуры великого индийского народа против всех попыток принизить ее. Высоким гуманизмом и любовью к родине проникнуты романы «Крушение» (1903), «Гора» (1910), «Дом и Мир» (1916), повесть «Четыре» (1916) и многие другие произведения Тагора. Поэтические сборники Тагора «Садовник» и «Гитанджали» посвящены свободному человеку и его светлому восприятию всех радостей земной жизни.

Глубоко разочарованный в современной буржуазной цивилизации, лишавшей человека возможности свободного проявления своих творческих способностей, Тагор резко выступал против империализма, несущего народам всего мира разрушительные войны, голод, нищету и унижение, и призывал активно бороться за мир.

Тагор не только писал о народе и для народа, он отдавал все силы и средства практическому воплощению своих идеалов. В 1921 году на основе созданной им ранее Национальной школы в Шантиникетоне и Института аграрных преобразований в Шриникетоне был организован Международный университет Бишшобхари, который воспитывал студентов в духе дружбы и братства народов.

Институт аграрных преобразований в Шриникетоне был воплощением давней мечты Тагора о широком просвещении народа и облегчении его участи с помощью объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные, использующие передовые методы агротехники.

Долгое время Тагор лелеял мечту о поездке в СССР. «Я не хочу умереть, не увидев Советского Союза», — не раз говорил он.

В сентябре 1930 года Тагор приехал в Москву. Советская общественность отнеслась к великому писателю с большим вниманием и теплотой. В течение своего шестнадцатидневного пребывания в Советском Союзе Тагор встречался с писателями, художниками, представителями науки, педагогами, работниками профсоюзов, крестьянами, студентами, пионерами. Он интересовался системой образования, методами коллективизации, разрешением национального вопроса и возможностями творческого развития личности.

В своей речи в клубе Федерации советских писателей Тагор сказал:

«Я чрезвычайно рад, что мне удалось встретиться с представителями русской культуры. Я приехал в эту страну, чтобы поучиться. Я хочу поучиться у вас и узнать, как вы решили и решаете проблемы культуры. Меня привело в восторг то, что вы впервые дали возможность приобщиться к просвещению всему народу, от-

крыв перед ним двери школ, театров и музеев... Я убежден, что ваша идея очень похожа на мою мечту. Вы в деле создания творческой личности делаете то, что я, как одиночка, сделать не могу. В этом ваша бессмертная заслуга перед человечеством».

Неизгладимые впечатления о своем пребывании в стране социализма Тагор выразил в замечательной книге «Письма о России». Это глубоко эмоциональное произведение полно искреннего восхищения достижениями Советского Союза, боли за судьбу своей родины и гневного протеста против английского колониализма, в течение двухсот лет душившего творческие силы талантливого индийского народа.

За внешними недостатками в жизни советского народа Тагор увидел небывалую энергию и энтузиазм советских людей, способных сделать все, «даже самое невозможное», для того чтобы не только обучить грамоте весь народ, независимо от его расовой и национальной принадлежности, но и привить ему «чувство собственного достоинства». Тагор сумел понять основные цели внутренней и внешней политики Советского Союза, неизменно направленной к миру.

Мы не можем согласиться с некоторыми высказываниями Тагора о просвещении как о единственном средстве разрешения всех вопросов. Но для Тагора просвещение не было самоцелью. По его мнению, просвещение и воспитание людей, привлечение их к пониманию искусства являются средствами подъема материального и культурного уровня всего народа. Просвещение и воспитание необходимы народу для понимания целесообразности объединения земли и расширения отечественного производства. Тагор сумел правильно понять и оценить стремление советской власти путем массового просвещения народа привлечь его к активному участию во всей хозяйственной и культурной жизни страны.

Все, что Тагор увидел в Советском Союзе, он невольно сравнивал с тем, что имело место в Индии. С болью и горечью говорит он о сотнях лет унижения, бесправия, голода и нищеты индийского народа, повергнутого английским империализмом в «болото оцепенения». Он гневно разоблачает миф о том, что слишком высокая рождаемость в Индии является причиной ее нищеты. Пример Советского Союза убеждает его в необходимости широких аграрных преобразований в Индии.

В наше время народы Индии на деле ощущают, какие перспективы открылись перед ними после освобождения от ярма английского империализма.

27 сентября 1930 года Тагор покинул Советский Союз. Он объездил многие страны Европы, был в Америке, но воспоминания о Советском Союзе не покидали его. В письмах к друзьям из Москвы, Берлина, с палубы парохода «Бремен» он рассказывает о своих впечатлениях.

Вернувшись на родину в январе 1931 года, Тагор публикует эти письма на бенгальском языке в индийском журнале «Пробаша».

Огромный успех писем побудил Тагора издать их отдельной книгой, впоследствии неоднократно переиздававшейся.

До конца своих дней Тагор оставался искренним другом нашей страны. Его вера в Советский Союз росла по мере того, как усиливалась его ненависть к империалистам, развязавшим вторую мировую войну.

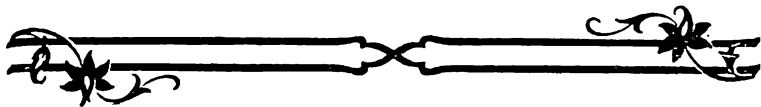
Прикованный к постели тяжелой болезнью, Тагор с неослабным вниманием следил за событиями на Восточном фронте. Он твердо верил в победу Советского Союза.

В дни крепнущих дружеских связей СССР и Индии волнующая книга Рабиндраната Тагора о годах молодости нашей страны звучит как призыв неустанно претворять в жизнь прекрасный лозунг свободы и дружбы народов всех стран.

На русском языке «Письма о России» публикуются впервые.

М. Кафитина

Писъма
о
Россиѣ

Москва

Наконец, я прибыл в Россию. Все, что я вижу, — чудесно. Не похоже на другие страны. В корне отлично. Они всколыхнули всех.

Вековая культура человеческого общества создается трудами простых людей; их — большинство, они несут на себе всю тяжесть. Им некогда жить по-человечески. Голодные, оборванные, неграмотные, кормясь объедками с господского стола, они прислуживают всем. Труд их огромен, права — ничтожны. Они обречены на постоянный голод, лишения и смерть. В благодарность за все сильные мира сего награждают их палкой. Они — подсвечники цивилизации, стоят, держа на головах светильники, и светят тем, кто наверху.

Я много думал над этим, и мне казалось, что из этого нет выхода. Если одни не будут внизу, другие не могут быть наверху, а ведь наверху быть необходимо. Если не окажешься наверху, то дальше своего носа ничего не увидишь; жить, чтобы существовать, — не значит быть человеком. Уметь отвлечься от постоянных забот о существовании — это уже цивилизация. Самые достойные плоды цивилизации порождены в часы досуга. Какой-то части человечества необходимо сохранить досуг. Поэтому мне не раз приходили в голову мысли о необходимости насколько возможно улучшить условия жизни тем, кто не только по своему положению, но и по физическому и духовному состоянию вынужден заниматься черной работой.

Трудность заключается в том, что одним только сочувствием ничего прочного создать нельзя; помощь случайными подачками постепенно превращается в свою противоположность. Истинно дружеская помощь возможна только тогда, когда люди равны. И все же я не мог ничего придумать — разве можно без возмущения признать, что только унижение большинства людей, сохранение их в состоянии дикости могло возвысить человеческую культуру.

Подумай только, голодная Индия вскормила разжиревшую Англию! А ведь многие в Англии считают, что вечно кормить Англию — великое благодеяние для Индии! Если, поднявшись высоко, Англия играет теперь немалую роль в развитии человеческого общества, то нет большой беды в том, что для этого понадобилось на протяжении веков держать в рабстве другой народ! Что из того, что этот народ живет впроголодь и одет в лохмотья! Правда, иногда головы англичан посещают мысли о том, что гуманность требует некоторого улучшения условий жизни этого народа. Однако прошло сто лет, а мы не получили ни образования, ни здравоохранения, ни благосостояния!

В каждом обществе происходит то же самое. Человек, не уважающий другого, бессилён сделать ему добро. А стоит их интересам столкнуться, и дело может дойти до кровопролития. В России эту проблему стараются разрешить в самой основе. Еще не пришло время делать окончательные выводы, однако все, что я видел, не могло не поразить меня. Образование является лучшим средством преодоления всех наших трудностей. До сих пор большая часть человечества не имела возможности получить образование, что же касается Индии, то она была лишена этой возможности почти полностью. Вызывает удивление та поразительная энергия, с которой в России стремятся распространить образование по всей стране. И дело здесь не только в количестве людей, но и в глубине, в размахе.

Сколько проявлено заботы, какая огромная энергия приложена, чтобы ни один человек не чувствовал себя беспомощным и не приспособленным к делу. И не только в Белоруссии, но и среди полудивилизованных народов

Средней Азии они распространяют образование с быстротой наводнения. И нет предела их неустанной энергии, направленной к тому, чтобы открыть этим народам доступ к вершинам науки. В театрах огромные толпы народа, и основные зрители — крестьяне и рабочие. И нигде их не оскорбляют. В двух-трех учреждениях, которые я до сих пор посетил, я обратил внимание на духовное возрождение и торжество проснувшегося человеческого достоинства. О нашем народе нечего и говорить, а если сравнивать с английским рабочим классом, то разница такая же, как между небом и землей. Они прекрасно осуществляют по всей стране то, что мы хотели сделать в Шриникетоне. Было бы очень хорошо, если бы наши работники могли приехать сюда поучиться хотя бы на некоторое время. Каждый день я сравниваю с Индией то, что вижу здесь, и думаю о том, чего мы достигли и чего могли бы достичь.

Мой спутник — американец, доктор Гарри Тимберс, изучая здешнюю систему здравоохранения, удивляется ее безукоризненности, а что скажешь об измученной болезнями, голодной, несчастной, беспомощной Индии. Несколько лет тому назад здешнее население находилось в совершенно таком же положении, как и народы Индии, однако за это короткое время у них — молниеносные перемены, а мы — завязли в болоте оцепенения.

Я не могу сказать, что у них нет ошибок — серьезная ошибка есть. И когда-нибудь она приведет к несчастью.

Вкратце эта ошибка заключается в том, что их система образования вылита по шаблону, но человеческое существо, ограниченное шаблоном, неустойчиво, ибо если знания не соединены с живым умом, то наступит день, когда этот шаблон разлетится в прах. Или же, будучи втиснутым в узкие рамки, человеческий ум либо сойдет на нет, либо человек превратится в заводную куклу.

Между детьми здесь существует разделение труда и ответственность за него. Я обратил внимание на то, что, заботясь о своем жилище, одна группа детей несет ответственность за здоровый быт, другая заведует складом и т. д., все руководство находится в их руках, и

только один человек наблюдает за их работой. Я всегда стремился ввести в Шантиникетоне эту практику, но дело ограничилось лишь составлением правил, и это не дало никаких результатов.

Одна из причин этого заключается в том, что основной целью учебной части у нас являлось проведение экзаменов, а все остальное отодвигалось на второй план. Имелось то, что требовалось,— хорошо, а нет — и не надо; мы не привыкли делать больше того, что на нас возложено. И, кроме того, с детских лет мы приучены к зубрежке.

В составлении правил нет никакой пользы — если в душе к ним относятся с пренебрежением, они не дают никаких результатов.

Я не увидел здесь больше того, о чем я сам все это время думал, размышляя о работе в деревне и об образовании; есть только сила, есть инициатива, есть опыт руководства.

Мне кажется, что многое зависит еще и от физического состояния организма — измученное малярией, истощенное тело не может работать в полную силу. А в этой суровой стране люди крепки, поэтому и работа у них спорится.

Было бы ошибкой считать рабочую силу в нашей стране по количеству душ: они — неполноценные люди.

20 сентября 1930 г.

Москва

Вот она — Россия. Из окна дома, расположенного под Москвой, я смотрю на открывающуюся моему взору картину. Насколько хватает глаз видны леса, поднимающиеся волнами, темнозеленые, светлозеленые, лиловатые, зеленовато-желтые. Далеко на краю леса цепь деревенских избушек. Около десяти часов; небо затянуто тучами, но дождя не будет; верхушки стройных топей колышет ветер.

Гостиница, в которой я остановился в Москве на несколько дней, называется Гранд-отель.

Помещение большое, но обстановка очень бедная, — все напоминает разорившегося сына богатых родителей.

Оставшиеся от прежних времен украшения местами облупились, в драпировках дыры, их и не зачинишь, они грязны настолько, что кажутся никогда не стиранными.

Во всем городе такие же условия.

Остатки роскоши среди всеобщей запущенности производят впечатление золотых пуговиц на рваном пиджаке или штопки на даккских дхоти. Нигде в Европе нет такой всеобщей бедности в питании и одежде, как здесь. Там повсюду существует разница между богатством и бедностью, и поэтому первое, что бросается в глаза, — это великолепие сконцентрированного богатства, а бедность прячется за кулисами. За кулисами весь хаос, грязь, болезни, бедствия и черные дела, от

которых меркнет свет. А на поверхности все кажется гладким и безукоризненным.

Если все богатство разделить поровну, то благосостояние страны окажется не таким большим, чтобы обеспечить всех в достаточном количестве питанием и одеждой.

Так как здесь нет противоречий, то нет ни богатства, ни бедности, только всеобщая серость.

Такого повсеместного обеднения нет нигде, поэтому здесь оно сразу же бросается в глаза. Здесь живут только те, кого в других странах мы называем народом.

На улицах Москвы много разного люда. Элегантных людей нет; стоит присмотреться — и увидишь, что праздные люди исчезли бесследно, все живут своим трудом, нигде ни одного франта.

* * *

Нам довелось посетить одного интеллигентного человека, доктора Петрова. Он очень уважаемый здесь человек и занимает высокий пост. Дом, в котором помещается его учреждение, в прошлом принадлежал какому-то состоятельному человеку, но обстановка в доме очень простая, никаких следов роскоши. На полу, не покрытом ковром, в углу стоит плохонький столик. Все имеет такой запущенный вид, как будто посторонним людям нельзя оказывать внимания, потому что в доме только что умер отец и все охвачены скорбью.

В моем жилье, называемом Гранд-отель, условия питания для приезжих совершенно неприемлемы. Но меня это не смущает, потому что все в таком же положении.

Я вспоминаю детство. По сравнению со здешним тогдашний образ жизни был еще более убогим, но нас это не смущало, ибо тогдашний образ жизни был ни высоким, ни низким, в каждом доме текла размеренная средняя жизнь. Разной была лишь степень эрудиции, то есть одни обучались музыке, пению и т. д., другие нет. Правда, и способ общения людей был другой. Но если бы здешний средний человек видел, как мы жили и чем занимались, он содрогнулся бы от отвращения.

Кичливость богатством пришла к нам с Запада. Когда в дома нынешних мелких клерков и торговцев внезапно хлынули деньги, они стали вводить европейские обычаи. С тех пор критерием интеллигентности стали считать домашнюю меблировку. Поэтому и у нас сейчас богатство подавляет все: происхождение, воспитание, образование. Однако нет ничего бесславнее для человека, чем кичливость богатством. Нужно приложить максимум усилий, чтобы эта вульгарность не проникла в плоть и кровь.

В этой стране мне больше всего понравилось именно полное отсутствие вульгарной кичливости богатством. Только поэтому здесь так быстро распространилось среди народа чувство собственного достоинства. Простой народ, сбросив бремя неравенства, смог выпрямиться и поднять голову.

Видя все это, я одновременно и удивлялся и радовался. Отношения между людьми стали до удивления легкими.

Мне нужно еще многое сказать, и я попытаюсь это сделать. Но сейчас необходимо отдохнуть. Поэтому сяду-ка я поудобнее в глубокое кресло перед окном, натяну на ноги одеяло, и если глаза захотят закрыться, я не буду противиться.

19 сентября 1930 г.

Москва

Я послал вам обоим письма очень давно. Но из вашего единогодушного молчания я заключаю, что они кое-кого заинтересовали. Я подозреваю, что подобное нарушение величия нашей индийской почты теперь иногда случается.

Поэтому в наши дни писание писем не вызывает у меня энтузиазма. Во всяком случае, когда ответа нет, я молчу.

Без ваших писем время тянется мучительно долго, подобно бесконечно длинной безмолвной ночи. Порой даже кажется, что жизнь прекратилась. Когда, чего-то ожидая, мы листаем календарь, часы бьют медленно и каждую минуту мы считаем.

Подобно бесконечной смене платья Дроуподи¹, чем ближе час моего возвращения на родину, тем время тянется медленнее. Вернусь я, конечно, только тогда, когда мне нужно будет вернуться.

Я пытаюсь лишь утешить себя мыслью, что каждый уходящий день приближает час моего возвращения.

Как бы то ни было — я прибыл в Россию. Я бы считал цель своей жизни не достигнутой полностью, если бы не приехал сюда.

¹ *Дроуподи* — принцесса Дроуподи (поэма «Махабхарата») была публично подвергнута осмеянию. С нее срывали одежды, но одно платье заменялось другим, потому что Дроуподи покровительствовал бог Кришна.

Прежде чем судить о том, плохо или хорошо то, что они здесь сделали, бросается в глаза их необыкновенная смелость.

Религия существовала испокон веков. Она вошла в плоть и кровь, пронизала душу и мозг людей; бесконечную цепь представил бы собой перечень того количества зданий, дверей и стражников, которые принадлежали ей, и та огромная сумма налогов, которую она получала в течение стольких веков.

А они уничтожили ее с корнем, и никакой боязни, страха, сомнений у них нет.

Религию вымели, чтобы расчистить место для нового.

Меня восхищает волшебство европейской науки, могущей творить чудеса, но меня еще больше поражает огромное дело, которое я вижу здесь.

Если бы они только разрушали, я бы не удивился, ибо способности разрушать у них достаточно, но я вижу, что они, засучив рукава, работают, чтобы на этом огромном пространстве воздвигнуть новый мир. Надо торопиться, потому что весь мир им враждебен, все против них. Им необходимо как можно скорее встать на ноги. На каждом шагу они должны доказывать, что то, к чему они стремятся,— не ошибка, не обман; они твердо решили пройти тысячелетие за десять — пятнадцать лет. Их экономическая мощь по сравнению с любой другой страной чрезвычайно незначительна, зато воля — огромна.

Революция, которая произошла в России, давно уже ожидалась именно в этой стране. К ней готовились в течение долгого времени. Сколько известных и неизвестных людей жертвовали жизнью, терпели невыносимые страдания.

Причины революции имеются повсюду на земле, но только в отдельных местах они концентрируются. Если в организме нарушен обмен веществ, то в ряде мест это нарушение сопровождается появлением опухоли и красноты. Именно в России несчастные и слабые в нищете и бессилии терпели невыносимые страдания от тех, в чьих руках были богатство и сила. Именно в России готовы разрешить это противоречие полным его уничтожением.

Когда-то французская революция грозила смести это противоречие. Уже тогда угнетенные поняли, что горечь и оскорбления неравенства повсеместны. Поэтому слова французской революции о свободе, равенстве и братстве были слышны далеко за пределами Франции, но отзвучали. В наши дни лозунги русской революции стали лозунгами всего мира. Сейчас на земле есть только один народ, который думает об интересах всех людей, а не только об интересах своей нации. Кто знает, вечны ли и эти лозунги! Но самым главным вопросом современности является то, что трудности одной нации являются частью общечеловеческих страданий. И это нельзя не признать.

В наш век поднялся занавес на сцене всеобщей истории. До сих пор за кулисами как будто шла репетиция — в разных помещениях и по частям. В прошлом каждая страна была окружена со всех сторон стеной, хотя нельзя сказать, что между странами не было никакого общения. Сегодня я уже не вижу той обособленности стран, которая имела место в результате этого разделения. Тогда были одинокие деревья, теперь — лес. Однако если и раньше человеческое общество испытывало недостаток в согласованности интересов, то теперь это стало повсеместным. Это вопрос серьезный.

Однажды в Токио я спросил корейского юношу, в чем несчастье его народа. Он ответил: «Нас давит господство ростовщиков, мы — источник их обогащения». Я спросил: «Но какова бы ни была причина этого, если вы слабы, можете ли вы своими силами освободиться от этого бремени?»

Он ответил: «Сегодня на земле горе объединяет тех, кто слаб. Те, у которых богатство и сила, отделяют себя от всего мира коваными сундуками и тронем, но они никогда не смогут объединиться. Сила Кореи — в ее несчастье».

Сегодня самым важным является то, что несчастные видят, сколько их вышло на сцену человеческого общества. Раньше, будучи разобщенными, они не видели своей силы, терпеливо переносили страдания, уповая на судьбу. Сегодня, еще очень беспомощные, они уже могут мечтать о том прекрасном царстве, где нет

страданий угнетенных и унижений оскорбленных. Поэтому сегодня они поднимаются во всем мире.

Сильным свойственно высокомерие. Сильные стремятся сверху помешать тому влиянию, которое сегодня поднимает несчастных, они стремятся помешать его распространению, они душат его. На самом же деле им следовало бы больше всего бояться страданий угнетенных. Но к этому они привыкли относиться с презрением. Они не боятся усугубить страдания людей ради своих прибылей, и сердца их не сжимаются, когда они выколачивают двухсот- и трехсотпроцентные налоги с несчастных крестьян, обрекая их на голод. Они знают, что в этих прибылях — их сила. Во всех излишествах человеческого общества заключено несчастье, но этому несчастью нельзя препятствовать извне. Не может бесконечно расти на одном полюсе чрезмерная сила, а на другом — чрезмерное бессилие. Если бы обладающих властью не свело с ума опьянение их силой, они бы испугались тех колоссальных размеров, которые приняло это противоречие, ибо это несоответствие идет вразрез с законами исторического развития.

У меня не было ясного представления о большевиках, когда я получил приглашение приехать в Москву. Отовсюду я слышал самые противоречивые толки о них. Они внушали мне некоторое сомнение, ибо то, что они сделали, сделано насильственным путем, но я заметил, что в Европе враждебное отношение к ним стало как будто ослабевать. Многие поощряли меня, услышав, что я уезжаю в Россию. И даже из уст некоторых англичан я слышал одобрительные отзывы о большевиках. Говорили, что они начали удивительный эксперимент. Но были и такие, которые пугали меня — пугали тем, что мое плохое здоровье не выдержит их ужасных условий питания и отсутствия возможностей для отдыха. Кроме того, многие говорили, что то, что они будут мне показывать, в основном подготовлено заранее.

Поэтому надо признать, что поездка в Россию в моем возрасте и с моим здоровьем казалась безрассудной, но не поехать туда, где на алтарь истории принесены самые большие жертвы, было бы с моей стороны недостойным.

Кроме того, в моих ушах еще звучали слова корейского юноши. Порой я размышлял о том, кто, кроме меня, поедет посмотреть, как у врат царства непобедимой, сильной своим богатством западной цивилизации, не обращая внимания на хмурые и враждебные взгляды западных держав, Россия расчищает место тем, кто обретает силу, не имея богатства.

Нам нечего бояться и нечего злобствовать, если они хотят уничтожить богатство богатых и силу сильных. Какая у нас сила, какое у нас богатство! Мы представляем в мире голодных и беспомощных. Если кто-нибудь и говорит, что они стремятся поднять тех, кто слаб, то как мы можем желать, чтобы им это не удалось.

Возможно, они могут ошибиться, но ведь нельзя сказать, что их противники не ошибутся. Пора заявить, что если сила угнетенных не проснется, то человечеству нет спасения, ибо могущество сильных неизмеримо выросло — раскаленная земля до самого неба загрязнена сегодня их черными делами.

Угнетенные теперь совершенно обездолены, ибо на одном полюсе сегодня концентрируется все общественное богатство, а на другом — беспросветная нищета.

С некоторых пор рассказы о расправах в Дакке волновали мой ум. Однако английские газеты не помещали ни одного сообщения об этой бесчеловечной жестокости. Здесь же по всей стране разносится весть, если в результате автомобильной катастрофы гибнет хоть один человек. А у нас жизни индийцев неимоверно дешевы. Нужно ли беспокоиться о тех, кто ничего не стоит!

Мы не можем поведать миру о своих страданиях, а в руках недругов имеются любые средства для распространения всякой молвы о нас.

Это обстоятельство действует угнетающе на слабые народы. Ведь в наши дни любое сообщение облетает весь мир, а машина пропаганды, находящаяся в руках сильных наций, способна изобретать всякие небылицы и позорить угнетенные народы.

Всему миру внушается, что у нас индусы и мусульмане устраивают между собой резню и поэтому, мол... и т. д. Но ведь и в Европе когда-то между сословиями происходило то же самое. Каким же путем это исчезло?

Только распространением образования. И в нашей стране могло бы исчезнуть тем же путем. Но в результате более чем столетнего английского господства в стране только пяти процентам населения посчастливилось получить образование. Подобное образование надо считать недоразумением.

Не пытаясь устранить причины, вызывающие пренебрежительное к нам отношение, доказывают людям, что мы достойны презрения. Мы бессильны, и поэтому на нас валятся все шишки.

В основе устранения всех человеческих трудностей лежит хорошее образование, а в нашей стране все средства поглощает «наведение порядка», поэтому для других мер казна пуста.

Из всей деятельности, которая ведется в стране, я признаю ценной лишь одну — до сих пор я отдавал все, что имел, тому, чтобы научить народ сознать свою силу. Поэтому я и не хотел отказывать в помощи властям и даже возлагал на них надежды, но тебе известны результаты. Я понял, что ничего не выйдет. Самый большой наш грех — наше бессилие.

Вот почему, когда я услышал, что в России почти на голом месте народное образование приобрело гигантские размеры, я подумал, что, если даже мое дряхлое тело, подвергнувшись испытаниям, не выдержит, я все же должен поехать. Они поняли, что единственный способ дать силу слабым — образование. Питание, здоровье, спокойствие — все зависит от этого. Одно лишь «наведение порядка» не дает ничего ни уму, ни сердцу. А у нас на него возлагали все надежды и потому не жалели никаких средств!

Я — человек, воспитанный в современной Индии, поэтому я до сих пор твердо верил, что невозможно дать образование тремстам тридцати миллионам человек, и нечего винить в этом кого-либо, кроме нашей горькой судьбы.

Когда мне говорили, что здесь среди рабочих и крестьян образование распространяется с молниеносной быстротой, я полагал, что это образование незначительно: немного научатся читать, писать и считать. Правда, если сосчитать по душам, то получается солид-

ная величина, но и это не мало. Если бы в нашей стране было так, мы благословляли бы своих правителей.

Но здесь я вижу по-настоящему хорошее образование, способное воспитать человека, а не пустую зубрежку конспектов для сдачи экзаменов на звание магистра.

Но на этом я остановлюсь более подробно в другой раз — сегодня уже нет времени. Сегодня вечером я отправляюсь в Берлин. А потом 3 октября поплыву через Атлантику, — сколько дней потребуется на это, сейчас еще сказать трудно.

Ум и тело отказываются подчиняться, но не хватает духу отказаться от столь счастливо представляющейся возможности, — поэтому если смогу что-либо собрать¹, то отдыхать буду в оставшиеся дни моей жизни.

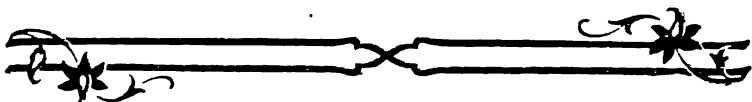
Но даже день за днем растрачивая то, что имеешь, не так уж плохо в конце концов сказать последнее «прости» и загасить свой коптящий огонек, — это лучше, чем начать дело и не закончить его. Ведь чем меньше у человека средств, тем слабей сила его духа, а слабость порождает вялость, бессмысленные споры, раздоры и взаимные нашептывания. Как часто щедрость определяется сытостью. Но там, где я вижу настоящие ценности, я убеждаюсь, что они созданы не только богатством, — и на бедной земле родятся золотые плоды.

Я был бы счастлив, если бы обладал хоть каплей той неиссякаемой энергии, смелости, умения и самопожертвования в деле распространения образования, какие наблюдаю здесь. Чем мельче и ничтожнее внутренний духовный мир человека, тем больше необходимости в материальных средствах.

25 сентября 1930 г.

¹ Тагор предпринял это путешествие с целью собрать средства для поддержания университета в Шантиникетоне.

Находясь в Москве, я написал два объемистых письма о советской системе.

Кто знает, когда ты получишь эти письма, да и получишь ли их вообще?

Приехав в Берлин, я сразу же получил два твоих письма. На родине сейчас идут проливные дожди, надо ли говорить тебе о том, с какой теплотой в сердце я вспоминаю, как над саловыми¹ рощами Шантиникетона сгущаются тучи и в потоках воды мчится июль.

Но поездка по России вытеснила из моей памяти эту прекрасную картину. Меня неотступно преследует мысль о страданиях наших крестьян. С юношеских лет я близко познакомился с жизнью бенгальской деревни. Я ежедневно общался с крестьянами, мне были известны все их трудности. Я знаю, что такие беспомощные существа редки на свете, они находятся на самом дне общества, куда не проникает свет знаний, да и кто знает — есть ли там дыхание жизни.

В то время среди тех, кто выходил на арену политической деятельности, не было ни одного человека, который считал бы крестьянина своим соотечественником. Я вспоминаю конференцию в Пабне. В беседе с одним очень крупным политическим деятелем я сказал, что если мы действительно хотим политического подъема нашей страны, то мы прежде всего должны поднять со

¹ В Индии произрастает дерево сал.

дна наш народ. Он с таким пренебрежением отнесся к этим словам, что мне стало ясно — наши патриоты вынесли понятие слова «страна» из иностранных школ, а сердцем они не понимают нашего народа. Такого рода представление удобно тем, что они могут огорчаться по поводу того, что наша страна находится в руках чужеземцев, волноваться, писать стихи и с успехом распространять газеты. Однако сознание ответственности придет только тогда, когда они назовут наш народ своим, — вот тогда и начнется настоящее дело.

С тех пор прошло много дней. Я долго еще слышал отклики на свои выступления о деревне на конференции в Пабне, — и это были не только слова. В помощь деревне собирались деньги, но, предварительно хорошенько помусоленные, они исчезали там, в верхах, где не было ничего, кроме слов, а в самую глубину общества, в деревню, не попадало ничего.

Однажды я причалил лодку к песчаной отмели на Падме и присоединился к литературной дискуссии. Я думал, что непригоден ни к какой другой работе, кроме того, чтобы копаться пером в шахте собственных мыслей. Но, когда я никого не смог убедить в том, что корни нашего самоуправления находятся в деревне и что необходимо с сегодняшнего же дня начинать такого рода разъяснительную работу, мне пришлось отложить перо в сторону и самому взяться за это. В этой работе мне помогал только один человек, это был Калимохон. Тело его было измучено болезнью, дважды в день его посещала лихорадка, а имя его значилось в списках полиции.

С тех пор это дело движется по труднопроходимой извилистой тропинке, подталкиваемое кое-какими средствами.

Моей целью было поднять и укрепить веру крестьян в их силы. Поэтому мой ум постоянно волновали две мысли — во-первых, по закону право на землю должно принадлежать не помещику, а крестьянину, а во-вторых, нельзя добиться подъема сельского хозяйства, если не объединить крестьянские земли на началах коллективизации. Стремиться вырастить урожай на изрезанных межами клочках земли, пользуясь плугом пра-

дедовских времен,— все равно, что таскать воду в разбитом кувшине.

Но обе эти задачи нележки. Прежде всего, если право на землю передать крестьянам, то земля в то же мгновение попадет в руки ростовщика, а бедственное положение крестьян от этого только ухудшится. Вопрос об объединении земли я как-то раз обсуждал с крестьянами. Когда я находился в Шилайдехо¹, с террасы дома, в котором я жил, я видел поля и поля, бесконечно тянувшиеся до самого горизонта. Чуть забрезжит рассвет, крестьяне поодиночке, каждый со своим плугом и коровой, выходят в поле и, покопавшись на своих клочках земли, уходят. Я собственными глазами изо дня в день наблюдал, как непроизводительно расходуется таким образом раздробленная сила. Когда я объяснял крестьянам преимущества совместной обработки объединенной земли с помощью трактора, они соглашались со мной, но говорили: «Мы ведь неграмотные, как же мы возьмемся за такое большое дело?» Если бы я мог сказать, что я возьмусь за него, то все было бы в порядке. Но разве я мог это сделать? Я не мог взять на себя ответственность за организацию такого огромного дела, у меня не было для этого ни знаний, ни сил, ни средств.

Однако эти мысли часто беспокоили мой ум. Когда кооперативная система Больпура перешла в руки Бишшобхароти, у меня вновь проснулась надежда, что удобный случай может представиться. Руководство всем этим перешло к людям более молодым, чем я, более опытным и знающим. Правда, наша молодежь, обучавшаяся в школах, привыкла к зубрежке. Образование в нашей стране поставлено таким образом, что оно не воспитывает способности самостоятельно мыслить и не прививает навыков к труду. Учащиеся отделываются тем, что вызубривают задание «от сих до сих».

Кроме того, что мы обладаем поверхностными знаниями, у нас есть и еще один недостаток. Прошедшие курс зубрежки в школе и не прошедшие принадлежат к двум категориям: образованным и невежественным.

¹ Шилайдехо — деревня в Бенгалии. Родовое поместье Тагоров.

Сознание духовной близости с народом у тех, кто обучается в школе, не выходит за рамки книги. Сквозь завесу книжных листов наш взгляд не достигает тех, кого мы называем простонародьем, они остаются непонятными для нас. И естественно поэтому они остаются вне поля нашей деятельности. В то время как в другой стране, в самой глубине общества, с помощью кооперативов ведется созидательная работа, у нас ограничиваются тем, что, осторожно ощупывая каждую монету, дают в долг. Ведь одалживание денег, подсчитывание процентов и обратное получение одолженных денег — весьма легкое занятие для трусливого ума, и даже для очень трусливого, ибо самое страшное, что может произойти, это ошибка в таблице умножения.

Из-за недостатка смелости ума и сочувствия к людям у нас чрезвычайно трудно избавить несчастных от их страданий, но никого нельзя обвинять в этих недостатках. Потому что когда-то, еще в эпоху торгового капитала, в нашей стране были основаны учебные заведения для подготовки клерков. Нам еще повезло, что клерки сохраняли хорошие отношения с хозяевами. Ведь если не угодничать, то образование — вещь бесполезная! Именно поэтому основная деятельность на поприще служения родине заключалась в том, что представители образованного общества выражали свои чувства в высокопарных выступлениях на кафедрах конгресса и на страницах газет. А наши руки, привычные к перу, ничего не прибавили к этому.

Но, будучи воспитанным в атмосфере этой страны, я не осмеливался думать, что возможно снять тяжкий камень невежества и неравенства с груди многих миллионов людей. До сих пор я размышляю о том, можно ли сделать хоть что-нибудь. Я всегда считал, что в обществе есть такие в течение веков не тронутые глубины, куда не может проникнуть луч солнца, и поэтому мы должны приложить все силы к тому, чтобы зажечь там хоть масляные светильники. Но обычно даже сознание этой необходимости не является достаточным импульсом для человеческого ума, ибо мы ясно не представляем себе, что можно сделать для тех, кого мы не видим в темноте.

Я приехал в Россию с такого рода робкими мыслями и здесь услышал, что масштабы распространения образования среди крестьян и всех трудящихся растут очень быстро. Я полагал, что смысл этого заключается в том, что в здешних сельских школах больше чем у нас ведется работы по обучению первой части букваря, ну, самое большее — второй части. Я полагал, что по спискам крестьян смогу посмотреть, кто из них может ставить свою подпись и считать в пределах десяти.

Имей в виду, что революция, сбросившая царское самодержавие, произошла в 1917 году, то есть прошло только тринадцать лет. Все это время им приходилось сталкиваться с враждебным отношением как внутри, так и вне страны. И никто не помогает им в их тяжелом труде по перестройке государственной системы. Путь затруднен огромными пережитками прежнего одиозного правления. Народы Англии и Америки прямо и косвенно участвовали в революционном движении, огромная волна которого вынесла русских к причалу новой эры. Их экономические ресурсы незначительны, иностранные банки кредита им не предоставляли. Из-за недостатка фабрик и заводов производственная мощь страны ничтожна. Поэтому для достижения цели они были вынуждены продавать самое необходимое. И все же для них является неизбежным сохранение самого непроизводительного учреждения во всей государственной системе — военного министерства, — несмотря на всю расточительность его содержания. Ибо в современную ростовщическую эпоху все государства — их враги, и арсеналы этих государств полны.

Помнится, что своим предложением в Лиге Наций о сокращении вооружений они поразили всех, прикидывавшихся сторонниками мира. Ибо в их цели не входит само по себе усиление их собственного могущества или обороны, их целью является создание на расширенной основе четкой системы производства всех средств для улучшения состояния образования, здравоохранения и питания населения, для них самым необходимым является нерушимый мир. Но ты-то знаешь, что руководители Лиги Наций хоть и вопят во все горло о мире, однако ни малейшим образом не стремятся

унять распоясавшихся хулиганов. И во всех империалистических государствах производство оружия сейчас подавляет производство продовольствия. Между тем Россия в течение многих лет ужасно голодала, здесь умерло огромное количество людей. Но, несмотря на отсутствие помощи извне, они смогли выдержать и этот удар. Прошло только восемь лет, как они приступили к созидательной работе построения новой эры.

Работы немало — их огромное государство охватывает и Европу и Азию. Здесь проживает такое большое количество народностей, какого не знает даже Индия. Между этими народностями существуют огромные различия как по их психическому складу, так и по территориальным условиям их размещения. И на самом деле их трудности, заключающиеся в многообразии национальностей, в многообразии условий их жизни, представляют собой картину общемировых трудностей, только в уменьшенном масштабе.

Я уже писал тебе раньше, что с первого взгляда Москва показалась мне очень мрачной по сравнению со всеми другими городами Европы. В уличной толпе не видно ни одного франта, весь город одевается обыденно. В рабочем костюме классовые различия вообще не видны, они видны лишь в нарядной одежде. А здесь в одежде, в нарядах все одинаковы. Все вместе взятое — поселок рабочих, куда ни глянешь — всюду рабочие. Нет нужды ходить в библиотеку, листать книги или ездить по деревням и населенным пунктам, делая заметки в блокноте для того, чтобы увидеть изменения, происшедшие среди рабочих и крестьян.

Напрашивается лишь один вопрос: куда девались те, кого мы называем «людьми света»?

Здесь народ не коснулась даже тень светского человека, сегодня на авансцену вышли те, кто веками находился за кулисами. Я сразу же отказался от ложного представления о том, что они изучили первую часть букваря и могут бегло читать лишь печатные тексты. Они стали людьми за эти несколько лет.

Я вспомнил о наших крестьянах и рабочих. И мне пришла на ум арабская сказка о славе волшебника. Лет десять тому назад, как и трудящиеся нашей страны,

они были неграмотны, беспомощны, голодны, точно так же опутаны слепыми условностями и фанатичной религиозностью. В горе и несчастье они бились лбами о церковные пороги, в страхе перед загробным миром попадали в руки попов, ум их был неразвит, а ужас перед этим миром кидал их в лапы чиновников, ростовщиков и помещиков, которые били их сапогами, а они чистили эти сапоги до блеска.

Тысячелетиями их положение оставалось неизменным, транспорт, техника были дедовских времен. От современных орудий производства они отворачивались. Призрак прошлого давил на плечи нашего трехсотмиллионного народа, закрывая ему глаза, — у них было так же. Кто, кроме несчастных индийцев, может быть больше удивлен зрелищем того, как за столь короткий срок сметена гора фанатизма и беспомощности? Правда, они не знали, что такое наше хваленое «наведение порядка», когда у них происходили эти перемены. Я уже писал тебе, что для того, чтобы увидеть внешний облик преображенного просвещением народа, мне не нужно было далеко ходить или, уподобляясь школьному инспектору, присматриваться и прислушиваться, правильно ли они произносят церебральный звук «Н».

Как-то вечером я посетил в Москве одно учреждение. Это был Дом крестьянина. Крестьяне могут за небольшую плату останавливаться здесь на несколько дней, когда они за чем-либо приезжают в город. Я беседовал с ними. Когда такой разговор состоится с нашими крестьянами, мы сможем дать отставку Комиссии Саймона¹.

Я понял, что у нас могло бы быть все, а нет ничего, — зато есть «наведение порядка». С постыдной тенденциозностью распространяют слухи, что у нас происходят общинные столкновения. Здесь между иудеями и христианами тоже происходили низкие, варварские, подобные нашим столкновения, но благодаря образованию и системе управления это явление уничтожено с

¹ *Комиссия Саймона* — комиссия, назначенная английским правительством в 1927 году в целях изучения возможностей улучшения системы управления Индией.

корнем. Я много раз думал о том, что Комиссии Саймона следовало бы побывать в России, прежде чем приехать к нам.

Подумав, ты поймешь, почему такой изящной женщине, как ты, я пишу такое не изящное письмо. Теперешние события в стране волнуют меня точно так же, как когда-то волновали кровавые дела в Амритсаре¹. И вот опять события в Дакке, которые я тяжело переживаю.

Правительство замяло эти инциденты, но все, занимающиеся политикой, знают цену такого рода проделкам. Если бы подобное событие произошло здесь, в России, то это постыдное пятно нельзя было бы скрыть никаким замазыванием.

Даже Шудхиндро, никогда не относившийся сочувственно к политическому движению в нашей стране, написал мне письмо, из которого видно, какой степени достигло у нас сейчас недовольство мероприятиями правительства.

Ну, на этот раз письмо к тебе остается незаконченным,— бумага вся и время истекло. В следующем письме я допишу то, что не успел дописать.

28 сентября 1930 г.

¹ В г. Амритсаре в 1919 году английскими войсками была расстреляна мирная демонстрация трудящихся.

Берлин

В объемистом письме из Москвы я описал тебе свои думы о России. Если ты получишь это письмо, то сможешь составить себе некоторое представление об этой стране. Я кратко изложил тебе, какие здесь предпринимаются меры для всестороннего развития крестьян.

У нас систематически подавляется ум тех, кто принадлежит к числу темных и невежественных, тех, кто лишен в жизни каких-либо удобств. Здесь же, познакомившись с людьми того же класса, я понял, как ужасно уничтожается богатство человеческой мысли таким неприязненным отношением общества, какая это безрассудная расточительность, какая жестокая несправедливость!

В Москве мне довелось побывать в Доме крестьянина. Это нечто вроде клуба. Такие места отдыха в России есть повсюду. Во всех этих клубах даются объяснения по вопросам сельскохозяйственной науки, общественного устройства и другим; неграмотным помогают учиться. Здесь же в специальных аудиториях крестьянам читают лекции о преимуществах обработки земли с помощью научных достижений. В каждом таком доме имеется музей, в котором находятся необходимые для всестороннего естественнонаучного и общественного обучения предметы; кроме того, созданы условия, для того чтобы крестьяне могли получить необходимую консультацию.

Крестьяне, приехавшие в город, могут за очень небольшую плату остановиться здесь недели на три. Ши-

роким распространением подобных учреждений Советское правительство вдохнуло свежие силы в некогда забитых крестьян, создав тем самым основу для построения новой жизни в масштабах всего общества.

Войдя в Дом, я увидел несколько человек, кушавших в столовой. Я зашел в читальню, — некоторые были заняты чтением газет. Затем я поднялся в большую комнату наверху, где вскоре собрались все. Прибыли они из разных мест, кое-кто издалека. Держались они очень свободно, без всякого смущения. Представив и познакомив меня с ними, директор Дома сказал несколько слов, после него кое-что сказал я.

Затем собравшиеся стали задавать мне вопросы.

Вначале один из них спросил меня, почему в Индии происходят индо-мусульманские столкновения. Я ответил: «Когда я был маленьким, я не имел понятия об этом варварстве. В те времена и в деревне и в городе между этими общинами не было недостатка в дружбе. У них было общее дело и общие интересы, в счастье и горе они представляли одно целое. Это же постыдное явление возникло только тогда, когда в стране началось политическое движение. Но каковы бы ни были в прошлом причины их бесчеловечного, жестокого отношения друг к другу, основная беда заключается в невежестве. У нас до сих пор не распространяется надлежащим образом тот минимум просвещения, который способен устранить дурной образ мыслей. Меня удивило то, что я увидел в вашей стране».

В о п р о с. Вы ведь писатель, писали ли вы что-нибудь о крестьянах вашей страны? Что ждет их в будущем?

О т в е т. Почему же только писал, я работал для них. Я открыл для них учебные заведения. И сейчас помогаю им в деле общего подъема деревни, насколько это в моих силах. Но мои попытки чрезвычайно незначительны по сравнению с тем огромным распространением образования, которое имело место у вас в столь короткий срок.

В о п р о с. Каково ваше мнение в отношении наших попыток коллективизации земли?

О т в е т. Я недостаточно осведомлен, чтобы отве-

тить на этот вопрос, хотелось бы услышать об этом от вас. Я бы хотел знать, насилует ли это вашу волю?

В о п р о с. Разве народ Индии не знает о том, что у нас проходит коллективизация, и вообще разве в Индии не знают о всех наших начинаниях?

О т в е т. Очень немногие образованы настолько, чтобы знать. Кроме того, сведения о вас по разным причинам скрывались. А то, что достигало слуха, оказывалось не всегда достоверным.

В о п р о с. Разве вы не знали раньше, что в нашей стране созданы специальные дома для крестьян?

О т в е т. Все, что делается для вашего благосостояния, я увидел и узнал, только приехав в Москву. Ну, хорошо, а теперь ответьте на мой вопрос: каково ваше мнение, как крестьян, о результатах коллективизации и каковы ваши пожелания?

Один молодой крестьянин, приехавший с Украины, сказал: «Прошло два года с тех пор, как был создан колхоз, в котором я работаю. У нас есть фруктовый сад и овощное хозяйство, фрукты и овощи мы посылаем на специальные заводы. Там они консервируются. Кроме того, у нас есть огромные поля, на которых выращивают различные сорта зерновых. Работаем мы восемь часов, после каждых пяти дней работы — отдыхаем. Наш урожай почти в два раза больше урожая наших соседей-крестьян, работающих единолично на своих землях. Почти с самого начала в нашем колхозе объединились сто пятьдесят крестьянских хозяйств. В 1929 году половина крестьян вышла из колхоза. Дело в том, что некоторые работники на местах не выполняли точно указаний первого секретаря Коммунистической партии Сталина. По его мнению, объединение должно происходить на добровольной основе в рамках общества. Но так как во многих местах чиновники забыли об этом, многие крестьяне вышли из колхозов. Правда, постепенно четвертая часть крестьян вернулась. И сейчас по сравнению с прежним мы стали еще сильнее. Мы начали строительство новых жилищ, большой столовой и школы для наших колхозников».

Потом одна сибирская крестьянка сказала: «Я состою в кооперативном хозяйстве уже около десяти лет.

Нельзя забывать, что с коллективизацией хозяйств тесно связан вопрос раскрепощения женщин. За десять лет наши крестьянки сильно изменились. Они теперь больше верят в свои силы, для них основной интерес — в работе, и поэтому они помогают подняться тем женщинам, которые еще отстают. Мы создали группу женщин-колхозниц, которые разъезжают по стране, ведут работу среди женщин и объясняют им, сколько преимуществ дает коллективизация в деле духовного и материального подъема крестьянских масс. Для облегчения жизни женщин-колхозниц в каждом колхозе строятся детские сады и ясли, школы и общественные столовые».

На Кавказе находится известный совхоз, называющийся «Гигант». Один тамошний крестьянин, рассказывая о том, как обстоит дело с коллективизацией в России, сказал мне: «В нашем хозяйстве сто тысяч га земли. В прошлом году у нас работало три тысячи крестьян. В этом году их число несколько уменьшилось, но урожай по сравнению с прошлым годом должен возрасти, потому что в этом году мы применяли систему механизированной обработки земли и пользовались минеральными удобрениями. Теперь у нас свыше трехсот тракторов. Рабочий день длится восемь часов. Те, кто трудится больше, получают сверхурочные. В зимнее время в поле становится меньше работы, поэтому крестьяне уходят в город на строительство домов, ремонт дорог и на другие работы. И даже во время их отсутствия им продолжает идти треть заработка, а их семьи остаются на старом месте».

Я спросил: «Расскажите мне, есть ли у вас какие-либо возражения, или, напротив, вы одобряете обобществление личной собственности в колхозах?»

Директор предложил выразить мнение поднятием рук. И я увидел, что многие из присутствующих относятся к этому неодобрительно. Я просил объяснить мне причины такого отношения, но никто не мог объяснить этого достаточно ясно. Один сказал: «Я и сам как следует не понимаю». Вероятно, причина несогласия кроется в человеческом характере. Мы, безусловно, привыкли относиться к своей вещи, как к своей собственности. Мы хо-

тим выразить себя, и собственность является средством этого выражения. Могущественны те, у кого есть более сильные средства, у них нет приверженности к собственности. Они могут быть расточительными, но для обычного человека собственность является языком его индивидуальности: потерять ее — значит, стать глухонемым.

Если бы собственность рассматривалась только как средство поддержания существования, а не как проявление души, то с помощью объединения собственности легко можно было бы объяснить, почему ее потеря может улучшить условия существования.

Наилучшие признаки проявления души, такие, как ум, талант, ни у кого нельзя отнять силой, собственность же отнимают, с ее помощью обманывают. Поэтому раздел собственности и использование ее в личных целях порождает в обществе такую жестокость, такой обман, такую безграничную вражду. Я не думаю, что можно найти что-то, кроме среднего решения этой проблемы, то есть в праве личной собственности следует ограничить бесконечную свободу приобретения. Часть, превышающую установленную границу, необходимо изымать в пользу общества. Тогда чувство собственности не приведет к искушению, обману и жестокости. Решая эту проблему, советская власть стремится не признавать приверженности человека к собственности. Поэтому они не знают границ насилию. Нельзя сказать, что у них нет свободы личности, но следует сказать, что нет эгоизма, то есть какая-то доля необходимого имущества принадлежит мне, остальное должно принадлежать другим. Решение проблемы возможно лишь в случае признания моего «я» и «я» других. А если признавать только одно из них, то столкновений с человеческой природой не избежать. Люди, воспитанные в атмосфере Западной Европы, возлагают очень большие надежды на силу.

Если силой внедряется то, что нужно, то это очень хорошо, но приложение силы во всяком другом случае может привести к несчастью. Если стремиться физической силой подавить силу истины, то когда-нибудь между ними произойдет разрыв.

Один крестьянин из центральной части Азии (Баш-

кирская республика) сказал: «Сейчас у меня есть свой собственный участок земли, но скоро я вступлю в соседний колхоз, потому что я вижу, что коллективная система хозяйства значительно производительнее. Единоличной и дает более высокий урожай. Если возникает необходимость воспользоваться для обработки земли трактором, то собственник небольшого участка не в состоянии купить трактор. И, кроме того, использовать трактор на наших крошечных участках невозможно».

Я сказал: «Вчера я беседовал с одним высокопоставленным государственным деятелем. Он утверждает, что нигде нет такой широко разветвленной системы всесторонней помощи женщинам и детям, какую ввело Советское правительство. Я спросил его, правда ли, что предполагается уничтожить семью, возложив ответственность за детей на государство. Он ответил, что это не входит в число ближайших задач, но если когда-нибудь благодаря расширению ответственности государства за детей семейные рамки исчезнут, это будет доказательством того, что в обществе путем распространения новых отношений сами по себе отмирают благодаря своей узости и неполноценности старые семейные связи».

Вот мне и хотелось бы знать ваше мнение об этом. Как вы думаете, можно ли сохранить семью, поддерживая систему коллективизации?»

Тот же украинский юноша сказал: «Разрешите мне высказать свою собственную точку зрения на то влияние, которое оказывает новая общественная система на семейные отношения. Когда мой отец был жив, то в зимнее время он шесть месяцев работал в городе, а в летнее время я с братьями и сестрами шесть месяцев пас хозяйское стадо. Мы почти не виделись с отцом. Сейчас этого нет. Каждый день мой сын возвращается из школы, и мы видимся с ним ежедневно».

Одна девушка-крестьянка сказала, что благодаря широкой системе присмотра за детьми и их воспитания между родителями значительно уменьшились неурядицы. Кроме того, благодаря такой ответственности родители сами смогли по-настоящему осознать, что значит воспитание детей.

Другая девушка, с Кавказа, сказала переводчику:

«Скажите поэту, что мы, жители кавказских республик, особенно чувствуем, что Октябрьская революция принесла нам настоящую свободу и счастье. Мы начали строить новую жизнь, но мы очень хорошо понимаем все трудности этого и поэтому готовы принести любые жертвы. Скажите поэту, что многочисленные народы Советского Союза хотят передать через него индийскому народу свое глубокое сочувствие. Я могу сказать, что, если бы было возможно, я бы оставила свой дом, семью и поехала бы помочь его соотечественникам».

Среди говоривших со мной был один человек с монгольским типом лица. В ответ на мой вопрос он сказал, что он сын киргизского крестьянина, приехал в Москву учиться в Текстильном институте. Через три года станет инженером и вернется в свою республику,— после революции там построена огромная фабрика, на которой он и будет работать.

Имей в виду, что единственной причиной того, что представители разных национальностей получили неограниченные возможности свободного творчества в деле овладения техникой производства, является то, что они используют машины не в своих личных своекорыстных целях. Тот, кто учится, делает это для того, чтобы быть полезным всем, а не только богатым.

В жадности своей мы обвиняем машины, причину своего падения пьяница видит в бревне, лежащем на дороге. Точно так же невежда учитель всегда обвиняет ученика в своей никчемности.

Во время своего посещения Дома крестьянина в Москве я собственными глазами увидел, насколько за десять лет русские крестьяне опередили индийских. И не только в умении читать,— их душа изменилась, они стали людьми. Сказать только об образовании, значит сказать не все. Необычайной является огромная энергия, которую они проявляют по всей стране в деле подъема земледелия. Как и Индия, эта страна — аграрная, поэтому здесь нельзя обеспечить существования людям, не заботясь сколько возможно о подъеме сельскохозяйственной науки. Они не забыли это. Они готовы сделать самое невозможное. Но не с помощью высокооплачиваемых государственных чиновников. Они при-

влекают к делу всех, кто способен, и всех, занимавшихся наукой. За эти десять лет их департамент по изучению сельского хозяйства достиг такого уровня, что слава его была признана мировой наукой. До войны в России не пытались селекционировать зерно. Сейчас они селекционируют до тридцати миллионов мон¹ зерна. И, кроме того, посадка зерновых практикуется не только на опытных участках сельскохозяйственных институтов, но и быстро распространяется по всей стране.

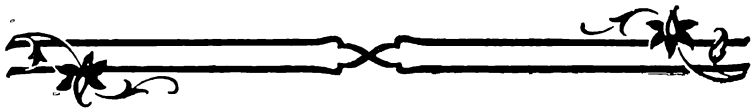
Большие экспериментальные сельскохозяйственные станции основаны по всей стране — в Азербайджане, Узбекистане, Грузии, на Украине и в других республиках России. Нам, британским подданным, и не снилась та всеохватывающая, безграничная, неустанная энергия, которая проявляется здесь для поднятия образования и обучения всех наций и народностей краев и областей России. До приезда сюда я даже не мог себе представить, что это может достичь таких размеров. Мы с детства воспитывались в атмосфере «наведения порядка», в которой нет места подобным примерам.

Когда я как-то раз был в Англии, я в первый раз услышал от одного англичанина, какую необыкновенную работу ведут в России для улучшения народного благосостояния. Своими глазами я видел, что у них нет никакой дискриминации. Они ввели такую четкую систему распространения образования среди отсталых народов, входящих в Советский Союз, которая недоступна индийскому народу. По всему свету распространяются слухи о нашей умственной и духовной ограниченности, о нашей косности, являющихся неизбежным результатом невежества. В Англии имеет хождение поговорка: «Легче повесить собаку, если ее опозорить». Для того чтобы никогда нельзя было смыть позор, насаждаются тюрьмы и виселицы.

1 октября 1930 г.

¹ Мон (маунд, ман) — мера веса. В различных частях Индии мон не одинаков. Бенгальский мон около 38 кг.

Берлин

Я получил твое письмо как раз в то время, когда собирался отбыть в Америку после поездки по России. Я приехал в Россию, чтобы познакомиться со здешней системой просвещения. Все, что я увидел, удивило меня. За восемь лет просвещение изменило духовный облик всего населения.

Немые заговорили, сдернуто покрывало, открывшее души тех, кто веками не видел света, бессильные вновь обрели душевные силы, презренные поднялись со дна общества, получив право на равное со всеми общественное положение.

Столько людей и такие молниеносные перемены, что трудно себе представить. Радуетя душа, видя, как благодаря образованию становится полноводной веками сохнувшая река. Повсюду кипит жизнь. Свет новых надежд озаряет далеко вокруг всю их жизнь.

У них три дела: образование, сельское хозяйство и техника. Объединяя народы по этим трем направлениям, они стремятся предоставить им все возможности развиваться духовно, жить и трудиться. Как и в нашей стране, здешнее население живет сельским хозяйством. Но наш крестьянин с одной стороны невежествен, а с другой — бессилен, то есть он лишен и образования и силы. Его единственной слабой защитой является традиция — подобно слуге прадедовских времен, он мало трудится, зато много хозяйничает.

Такая традиция мешает движению вперед. Но он веками продолжает гнуть спину.

В далекие времена крестьянским богом у нас был как будто Габардхондхари Кришна, жизнь его прошла в пастушьей хижине. У него был старший брат землепашец Больрам. Плуг Больрама заменял человеку машину. Машина облегчает труд крестьянина. Но в наши дни нигде на полях не видно Больрама, стыд жжет его лицо — он отправился в ту далекую страну, где засияло его оружие. Его позвали русские, там буквально на глазах из клочков земли выросло огромное поле, и прикосновение нового орудия вдохнуло жизнь в мертвое тело Ахольи¹.

А у нас ведь Больрам, покровительствующий сельскохозяйственным орудиям, принял образ Рамы².

До революции, происшедшей в 1917 году, 90 процентов здешних крестьян и в глаза не видели современных сельскохозяйственных орудий. Как и наши крестьяне, они напоминали несчастного Раму, голодные, беспомощные, бессловесные. А сегодня на их полях появились тысячи механических орудий. Раньше они были теми, кого у нас называют божьи твари, а теперь они — войско Больрама.

Но машина сама по себе, если она не способствует развитию человека, не может сделать ничего.

Сознание крестьян развивается с развитием их хозяйства. Здешняя система образования строится на живой основе. Я всегда говорил, что необходимо приблизить образование к жизни. Оторванное от жизни, оно становится мертвым капиталом, перестает приносить пользу. Приехав сюда, я увидел, что они сделали образование жизненной силой, потому что они не отделяют школу от окружающего мира. Они вводят образование не для того, чтобы сдавать экзамены или превратить всех в пандитов³. Обычной целью распространяе-

¹ *Ахолья* — (поэма «Рамаяна») — жена мифического индуистского проповедника Гаутамы, обратившего ее за неверность в камень.

² *Рама* — герой эпической поэмы «Рамаяна», изгнанный отцом по наговору его второй жены и скитавшийся по свету.

³ *Пандит* — ученый, знаток священных книг.

мого ими просвещения является стремление воспитать человека.

У нас есть высшие учебные заведения, но у нас ума и силы меньше, чем образованности и знаний; бремя книжных знаний лишает нас способности заниматься духовным воспитанием. Беседуя с нашими студентами, я убедился, что у них даже нет вопросов. Они не понимают связи между желанием знать и знанием. Их никогда не учили жажде знаний — сначала они учились только по установившейся традиции, а потом повторяли заученное, чтобы получить отметку на экзаменах.

Я помню, как однажды, когда группа учеников Махатмы¹ возвратилась из Южной Америки в Шантиникетон, я спросил одного из них, хочет ли он погулять с нашими детьми в Парульском лесу. Он ответил, что ему хотелось бы спросить об этом руководителя их группы. Я сказал: «Спросите, пожалуйста, но скажите мне, хотите ли вы?» Он ответил: «Я не знаю». Этот человек не чувствовал ни малейшего желания иметь свое собственное мнение о каком-либо предмете, послать его — он пойдет, но самому ему думать не хочется. Хотя такой незначительный вопрос не определяет всеобщую умственную лень наших студентов, все же, если поставить перед ними какой-либо более волнующий вопрос, можно обнаружить, что ум их не готов для решения его. Они только и ждут, чтобы услышать, что мы, наверху, скажем. Нигде в мире нет более беспомощного ума.

Я постараюсь детально и всесторонне осветить здешнюю систему образования. Кое-что о состоянии образования можно было почерпнуть из книг и докладов, но влияние образования среди людей особенно четко проявляется в деле. Здесь я убедился в этом. Я познакомился с созданными здесь учреждениями, которые называются пионерскими коммунами. По количеству детей эти пионерские отряды такие же, как отряды бойскаутов у нас в Шантиникетоне.

Войдя в дом, я увидел, что вдоль лестницы двумя рядами в торжественном молчании выстроились группы

¹ *Махатма Ганди* (1869—1948) — индийский политический деятель, руководитель партии Индийский национальный конгресс.

мальчиков и девочек, с тем чтобы приветствовать меня. Войдя в комнату, они расселись вокруг меня, как будто я тоже из их отряда. Имей в виду, что все они сироты. Они все — представители того класса, который никогда не мог требовать от кого-либо заботливого к себе отношения. В прошлом они находились на самой низкой ступени общества. А теперь передо мной были их лица, совершенно свободные от налета подавленности и униженности. Никакого стеснения, связанности. Ум их целенаправлен, а так как впереди у них широкое поле деятельности, то кажется, будто они всегда полны энергии, в них нет ни малейшего следа вялой невнимательности.

После того как я ответил на их приветствие, один мальчик сказал: «Живущие чужим трудом присваивают прибыль только себе, мы же хотим, чтобы все богатство страны делилось между людьми поровну. Этому нас здесь и обучают».

«Мы сами всем руководим,— добавила одна из девочек.— Мы работаем все вместе, помогая советами друг другу, и одобряем лишь то, что хорошо для всех».

«Мы можем ошибиться,— сказал другой мальчик,— но в случае необходимости мы можем пользоваться советом взрослых. Если нужно, малыши советуются со старшими детьми, могут советоваться и с учителями. Таковы принципы управления в нашей стране. Здесь мы изучаем эти принципы».

Отсюда ты можешь сделать вывод, что их образование не ограничивается зубрежкой. Они вырабатывают свое поведение и характер, подчиняя его общим большим интересам всех людей. Они взяли на себя такое обязательство, и выполнение его является для них делом чести. Я много раз говорил своим ученикам и учителям, что хочу, чтобы в Шантиникетоне установились бы в меньших размерах та человечность и то сознание ответственности за самоуправление, которых мы требуем от всей страны. Здешняя система должна быть системой коллективного самоуправления преподавателей и студентов. Если эта система сможет полностью разрешить все здешние проблемы, то с ее помощью и мы сможем решить все наши трудности. Нельзя стоять на

трибуне и кричать о подчинении личных интересов общественным — надо создать для этого опытный участок. Таким участком является наш Шантиникетон.

Я приведу тебе маленький пример. Нигде нет такого ненормального, как в Бенгалии, отношения к привычкам и вкусам. Мы без особой нужды загружаем и кухню и желудок. Это отношение к еде очень трудно изменить. Если бы наши студенты и преподаватели, вечно заботящиеся о благосостоянии своей нации, смогли бы взять на себя обязательство следить по необходимости за своими вкусами в отношении пищи, то это способствовало бы тому, что я называю воспитанием. Трижды девять — двадцать семь, — зазубривание этого мы называем образованием, если дети забывают это или невнимательны к этому, мы считаем это ужасным проступком, но глупость преподавателей заключается в том, что они придают меньшее значение тому, что мы глотаем. Мы несем ответственность перед всей страной за нашу ежедневную пищу, и эта ответственность очень серьезна. С полным сознанием ее надо считать гораздо более важной, чем отметку на экзаменах.

Я спросил пионеров: «Какой у вас существует порядок, если кто-нибудь провинится?»

Одна из девочек сказала: «У нас нет никакого начальства, поэтому мы сами наказываем».

Я спросил: «Пожалуйста, расскажите поподробнее. Вы что, созываете какое-нибудь собрание, чтобы обсудить поступок того, кто провинился? Выбираете из своей среды судью? И какие у вас меры наказания?»

Она ответила: «Это — не то, что суд, мы выносим устное порицание. Совершившего проступок мы осуждаем, более тяжких наказаний у нас нет».

Один из мальчиков сказал: «Когда он огорчен, и мы все опечалены, вот и все».

«Представьте себе, — сказал я, — что кто-либо из детей считает, что его несправедливо обвиняют, может он тогда апеллировать к кому-либо из вышестоящих?»

Мальчик ответил: «В таком случае мы голосуем; если по мнению большинства он виновен, то на этом разговор прекращается».

Я сказал: «Разговор-то может прекратиться, но

если кто-либо из детей считает, что большинство несправедливо отнеслось к нему, может ли он возражать?»

Одна девочка, встав, сказала: «Если так, то мы обращаемся за советом к педагогам, но таких случаев у нас никогда не бывает».

Я сказал: «Вас защищает от обвинения само по себе то единство, которое отличает все ваши решения».

На вопрос, в чем заключаются их обязанности, мне ответили: «В других странах люди стремятся получить за свою работу вознаграждение или почет, мы ничего этого не хотим, мы хотим только справедливости для всего народа. Мы ходим по деревням и обучаем крестьян грамоте, объясняем им, как соблюдать чистоту, объясняем необходимость сознательного подхода к каждому делу. Иногда мы живем среди них. Ставим пьесы, рассказываем о положении в стране».

Затем они захотели показать мне то, что они называют живой газетой. «Мы должны знать очень много о своей стране,— сказала одна девочка,— а то, что мы знаем, мы должны донести до сознания всех. Наша работа только тогда может быть настоящей, когда то, что мы знаем, проверено и продумано нами».

Один из мальчиков добавил: «Вначале мы получаем знания из книг и от своих педагогов, затем мы обсуждаем их между собой, и только после этого нам разрешается передать их другим».

Мне показали живую газету. Темой ее является их пятилетний план. Дело в том, что они взяли на себя трудное обязательство: за пять лет поднять всю страну с помощью техники, повсюду использовать электроэнергию и силу пара. Если говорить об их стране, то она не ограничивается Европейской Россией. Она простирается далеко в Азию. Колесница их энергии промчится и там, но не для обогащения богатых, а для усиления всего народа, среди которого есть и среднеазиатские темнокожие. Никто не боится и не раздумывает над тем, что будет, если и они обретут силу.

Для такой работы им необходимо огромное количество денег. На европейских рынках их деньги хождения не имеют, и они могут покупать только за наличный

расчет. Поэтому они, чтобы купить необходимое, продают последнее продовольствие; зерно, мясо, яйца, масло — все пошло на иностранные рынки. Народ оказался на грани голода. Теперь им осталось немного, но их успехи не входят в планы империалистов. Иностранные инженеры даже чинили ущерб их фабрикам и заводам. Дело огромное и трудное, а времени очень мало. Им нельзя тянуть время, потому что они стоят перед лицом враждебного капиталистического мира, им крайне необходимо насколько возможно быстрее собственными силами наладить производство разнообразной продукции. Три года прошли в трудностях, теперь осталось два года.

Живая газета напоминает театральное представление. Танцую с флажками в руках, они поют о том, каких результатов со временем достигнет их страна, механизировав свою экономику. Это стоит посмотреть. Необходимо дать понять тем, кто лишен в жизни необходимых условий и живет в страшных трудностях, что очень скоро трудности исчезнут, чтобы в преддверии светлого будущего они могли, не унывая, с честью выдержать все испытания.

Чрезвычайно утешительно то, что идти на жертвы готов весь народ. Эта живая газета точно так же рассказывает и о событиях в других странах. Я вспомнил виденную мною в Потисоре¹ постановку бродячей труппы, демонстрировавшую радость свободного духа и тела, — метод был таким же, а цель — другой. Думаю, что, вернувшись домой, я начну с того, что попытаюсь поставить живую газету в Шантиникетоне.

Распорядок дня у пионеров следующий. В семь часов утра они встают. В течение пятнадцати минут делают физические упражнения, затем умываются и завтракают. В восемь часов они входят в класс. В час дня делают перерыв на обед и отдых. Занятия продолжаются до трех часов. Они изучают историю, географию, арифметику, основы естествознания, основы химии, биологии, механику, конституцию, обществоведение, литературу, рукоделие, столярное и переплетное

¹ Потисор — место в Бенгалии, где Тагоры владели землей.

дело, использование современных сельскохозяйственных машин и другие предметы. Воскресенья нет. Через каждые пять дней — день отдыха. В определенные дни после трех часов пионеры (передовой отряд) по списку посещают фабрики, госпитали, деревни и другие места.

Посещение деревень введено в систему. Иногда они сами ставят пьесы, ходят в театр или кино. По вечерам читают книги, рассказывают, спорят, устраивают литературные и научные собрания. В день отдыха некоторые из пионеров чинят свою одежду, производят уборку в комнатах и вокруг дома, читают дополнительную литературу, гуляют. Они поступают в школу семи-восемью лет, покидают ее в шестнадцать. Во время обучения у них не бывает таких огромных разрывов благодаря длинным-предлинным каникулам, как это делается у нас, поэтому они успевают за более короткое время пройти гораздо больше.

Чрезвычайно важной чертой здешних школ является метод сопровождения зарисовками того, что они читают. Благодаря этому изучаемый предмет приобретает в воображении рельефные очертания, рисунки тренируют руку и, кроме того, чтение сопровождается радостью творчества.

С первого взгляда можно подумать, что они, вероятно, имеют склонность только к труду и, не понимая, презирают изящные искусства. Но это совершенно неверно. Очень трудно достать билет на хорошую пьесу или оперу в огромный красивый театр, построенный еще в царские времена. Мир знает очень мало таких специалистов в области драматического искусства, какие есть у них. В старые времена всем этим наслаждались только знатные вельможи. В те времена в театрах не было места тем, кто был бос, раздет, голоден, кто жил в постоянном страхе перед богом и людьми, кто для своего спасения отдавал попам все, что имел, кто унижался в пыли у ног господ. А сейчас весь театр заполнен ими.

Когда я был в театре, там шла пьеса Толстого «Воскресение». Нельзя сказать, что это тема легко доступная народу. Однако зрители смотрели на сцену молча и с глубоким вниманием. Вряд ли крестьяне и рабочие

англосаксонской расы могли бы до глубокой ночи вот так молчаливо и спокойно наслаждаться этим. О нас нечего и говорить.

Приведу еще один пример. В Москве была устроена выставка моих картин. Не приходится говорить, что картины необычные. И не только для жителя этой страны, они необычны для жителей любой страны. И все же людей — нескончаемые толпы. За несколько дней выставку посетили пять тысяч человек. Что бы там ни говорили, я не могу не отметить их вкуса.

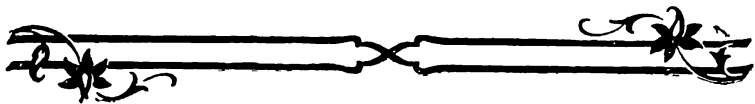
Но не будем говорить о вкусах, будем думать, что это пустое любопытство. Интересно познать душу, возбужденную любопытством. Я помню, как однажды я привез из Америки ветряное колесо, с помощью которого из глубины нашего колодца поднимали воду. Но я был убит, когда увидел, что это не возбудило ни малейшего любопытства в душах детей. Лишь дети интеллигенции, да и то не все, проявляют интерес к электростанциям, которые имеются у нас. Где ум инертен, там слабо любопытство.

Нам здесь подарили много рисунков, выполненных детьми. Я удивлялся, глядя на эти картинки. Они нарисованы по всем правилам, не копии с чего-либо, а плоды их собственного воображения. Я разволновался, видя их стремление к созиданию и творчеству. Приехав сюда, я много думал об образовании в своей стране. Я попытаюсь своими слабыми, ничтожными силами собрать и использовать хоть часть того, что я увидел здесь. Но где взять время — для меня и пятилетний план выполнить невозможно. Один на один в течение тридцати лет я плыл навстречу враждебному миру, так проплыву и еще несколько лет, и я знаю, что не буду жаловаться, если не проплыву особенно далеко.

А сегодня времени уж больше нет. Ночной поезд должен доставить меня в порт, и завтра я уже буду в море.

2 октября 1930 г.

Атлантика. Пароход «Бремен»

После поездки по России сегодня я направляюсь в Америку. Но память о России до сих пор владеет всем моим существом. Дело в том, что другие страны, в которых я бывал, не волновали так моего воображения. Их деловая энергия разобщена разными областями деятельности, будь то политика, больницы, школы или музеи. А здесь единая цель, охватывая тонкой сетью своих каналов всю жизнь в стране, создала единый огромный организм, одну великую личность. Единые стремления объединили все.

Такое глубокое единение душ невозможно в тех странах, где собственность и энергия разделены личными интересами. Во время пятилетней войны в Европе основная деятельность и основные чаяния народов этих стран были подчинены одной цели, одному душевному порыву, но это было временно, а характер всей деятельности в Советской России — это стремление творить необычную жизнь как всеобщее дело, всеобщий дух, всеобщее право.

Здесь я особенно ясно понял смысл слов из Упанишад¹: «Не будь алчным». А почему не быть алчным? Потому что личные, своекорыстные интересы становятся препятствием на пути познания единого мирового духа,

¹ *Упанишады* — многочисленные философские комментарии к ведийским текстам. Представляют собой рассказы и беседы на философские темы.

охватывающего все. «Довольствуйся оставленным». Они понимают эти слова чисто экономически. Из всех человеческих качеств самым ценным они считают человеческий дух; все, что им создается, принадлежит всем — «не посягай на чужое богатство». Но когда вслед за разделом собственности возникает право личности на ее долю, жажда богатства становится самоцелью. Стремясь избежать ее, они говорят: «Довольствуйся оставленным».

Единственным импульсом деятельности всех прочих европейских стран является личное обогащение, личное наслаждение. В огромной возбуждающей силе их, как во вспененном море, описанном в Пуранах¹, заключен и яд и нектар. Но нектар достается не большинству, а меньшинству, с ним приходит бесконечный поток несчастий и волнений. Все думали, что это неизбежно, говорили, что жадность свойственна человеческой природе и именно благодаря ей происходит неравномерное распределение собственности. Следовательно, столкновения неизбежны, и мы должны быть постоянно готовыми к ним. Но из того, что хотят сказать советские люди, следует, что человеческой природе свойственно единство. Благодаря единому порывам и единому стремлениями мираж вражды исчезнет, как сон, в тот самый момент, когда мы перестанем думать о ней.

В России эти попытки получили огромное распространение. Все проникнуто ими. В России чувствуется огромное движение человеческой мысли. Ни в одной стране я не видел такого огромного распространения образования, как здесь; дело в том, что в других странах, где есть образование, его плоды пожинает лишь тот, кто его получает. Здесь образование всех в образовании одного. Недостаток образования одного чувствуют все. С помощью всеобщего образования они хотят добиться успехов во всенародном деле создания коллективного ума. Они — деятели мировых масштабов. Поэтому им необходим большой ум, и поэтому им необ-

¹ *Пураны* — предания, огромные эпические произведения, написанные в мифологической форме.

ходимо настоящее образование и тоже в широких масштабах.

Образование в народе они распространяют разными способами. Одним из таких способов являются музеи. Разнообразные музеи имеются во всех городах и деревнях. Эти музеи не являются такими пассивными, как библиотека нашего Шантиникетона, они активны.

Повсюду в России широко распространен интерес к изучению особенностей отдельных районов. Такого рода образовательных центров около двух тысяч, в них работают более семидесяти тысяч человек. В этих центрах изучается прошлая история этих мест, а также прошлые и настоящие экономические возможности. Кроме того, ведется исследовательская работа по изучению производительных сил и полезных ископаемых в этих районах. Все имеющиеся музеи вместе с этими центрами представляют собой чрезвычайно важное средство в распространении всеобщего образования. Это широкое распространение краеведения и связанных с ним музеев является главным методом подъема всеобщего образования в советской стране.

В какой-то мере подобное изучение близлежащих районов Калимохон ввел в Шантиникетоне, но наши студенты и педагоги, не сочувствовавшие ему в этом, не поддержали его. Воспитать способный к поискам ум не менее трудно, чем добиться результатов поисков. Я слышал, что Пробхат ввел этот предмет для студентов экономического факультета. Но эту работу надо проводить в более широком масштабе, надо втянуть в это и школьников, и вместе с этим необходимо учредить во всех провинциях музеи, содержащие разнообразные материалы.

Если бы ты узнала, какую работу ведет здесь художественный музей, тебе бы это, конечно, понравилось. В Москве находится известное хранилище картин, которое называется Третьяковская галерея. За один год — с 1928 по 1929 — ее посетили около трехсот тысяч человек. Здание не вмещает всех, стремящихся посетить галерею. Поэтому приходится накануне выходного дня составлять списки посетителей.

До установления советской власти в 1917 году посетителями галереи были представители класса богатых, высокопоставленные, ученые люди, те, кого они называют буржуазией, то есть люди, живущие чужим трудом. Теперь сюда приходят каменотесы, литейщики, бакалейщики, портные и т. д., то есть живущие своим трудом. Приходят также советские воины, командиры, студенты и крестьяне.

Необходимо постепенно приучать их мозг к пониманию искусства. Для таких, как они, неискушенных людей, с первого взгляда невозможно проникнуть в тайну художественного мастерства. Растерянные, бродят они, глядя на развешанные по стенам картины. Поэтому почти в каждом музее имеется соответствующий экскурсовод. Экскурсоводы подбираются из состава научных работников музеев или подобных им государственных учреждений. У них не существует денежных счетов с посетителями музеев. Для того чтобы посетители могли за внешним выражением картины увидеть ее внутреннее содержание, экскурсоводы должны быть достаточно подготовленными. Немногие люди способны понять изобразительную технику картины, позволяющую ей принадлежать к какому-то определенному направлению в живописи, композицию картины, ее выразительные средства, рисунок, перспективу и освещение. Поэтому экскурсоводы должны иметь достаточные знания, чтобы суметь привлечь внимание и вызвать интерес у посетителей. Им следует также понимать, что в музее не одна картина и поэтому нет необходимости разжевывать посетителю одно и то же. Необходимо уметь разъяснить общие черты разнообразных художественных школ, к которым принадлежат картины, хранимые в музее. Экскурсовод должен выбрать несколько наиболее характерных картин и объяснить их существо. В зале не должно быть очень много картин, подлежащих объяснению, и не следует находиться в нем более двадцати минут. Необходимо объяснять связь между формой и содержанием, идеей картины. Предметом разъяснения должен быть также тот особый стиль, которым написана картина, ее неуловимые черты. Следует уделять больше внимания

объяснению особенностей картин путем противопоставления их друг другу. Но необходимо тотчас же отпустить посетителей, как только мозг их хоть немного устанет.

Все вышесказанное взято мною из доклада о том, как надо обучать неграмотных посетителей смотреть картины. Из всего этого нам особенно подходит то, о чем я писал тебе раньше. Они прилагают огромную энергию к тому, чтобы силой поднять в кратчайшие сроки сельскохозяйственную и промышленную мощь всей страны. Это серьезно и важно. Огромна их решимость устоять собственными силами в конкуренции с капиталистическими странами.

Мы в подобном положении привыкли считать, что яркое сияние одного факела нуждается в полном поглощении всего света, иначе человек растеряется. Это особенно касается изящных искусств, которые стоят в противоречии с суровыми решениями. Чтобы выработать у соотечественников сильный характер, надо только заставить их маршировать, и если из лютни Сарасвати¹ можно сделать палку, то существование этой лютни еще можно признать, если нет, то она излишня. На примере этой страны можно ясно увидеть, насколько фальшивы эти слова. Строя фабрики и заводы по всей стране, они стремятся поднять рабочих, проводя огромную работу для того, чтобы сделать понятным для них благодаря полученному образованию искусство живописи. Они знают, что те, кто не понимает искусства,— варвары, а варвары внешне грубы, а внутри слабы. Значительно поднялась в России современная драматургия. В страшные, тяжелые, голодные времена, пришедшие с революцией 1917 года, они танцевали, пели, увлекались театром, и это не противоречило поставленной ими огромной исторической драме.

В пустыне нет жизни. Жизнь там, где, пенясь, вздымаются бегущие с горных скал потоки воды, где в весенних разливах пленяют голубизной снеговые вершины.

¹ *Сарасвати* — богиня мудрости и красноречия; изображается с лютней в руках.

Викромадитья ¹ изгнал из Индии саков ², но не тронул Калидасу, чтобы он написал «Мегдута» ³. Нельзя сказать, что японцы не умеют воевать, но с равным искусством они владеют и палитрой. Если, приехав в Россию, я бы увидел, что они только рабочие на производстве и в поле, я бы решил, что они засохнут и умрут. Когда, заглушая чуть слышный шепот своей листвы, дерево вдруг трескучим голосом высокомерно заявляет: «Мне нектар не нужен»,— оно, конечно, напоминает свой двойник, искусно сделанный руками плотника,— возможно, оно крепко, но бесплодно. Что же касается меня, то я хочу сказать этим героям ⁴ и их поклонникам, что, когда я вернусь на родину, даже июльские ливни полицейских дубинок не приостановят моих танцев и песен.

На театральных сценах России представлены разнообразные формы искусства. В каждой из них постепенно проявляются и творческие искания нового, которым не препятствуют. Революция, изменившая общественный строй, создала безграничное поле для творческих дерзаний нового. Они не боятся нового ни в общественной жизни, ни в государственной, ни в искусстве.

Советские революционеры лишили почвы веками существовавшую религию и старый государственный строй, которые подавляли ум и лишали свободы их душевные силы. Душа радуется, когда видишь, какую свободу за такой короткий срок получил в прошлом так жестоко угнетавшийся народ, ибо ни один правитель не может быть большим врагом, чем религиозный фанатизм, уничтожающий свободу человеческой души. Даже стоящий над подданными правитель не в состоянии так урезать свободу своих подданных.

До сих пор мы на каждом шагу сталкиваемся с примером того, что правитель, стремящийся держать

¹ *Викромадитья* (IV в. н. э.) — один из правителей династии Гупта в Индии, покровительствовавший искусству.

² *Саки* — индийское название гуннов.

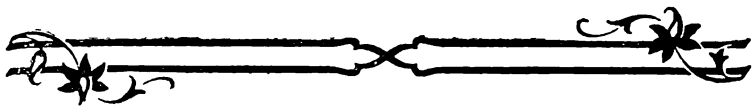
³ «*Мегдута*» — «Облако-вестник» — поэма знаменитого поэта древней Индии Калидасы.

⁴ Тагор имеет в виду полицию.

в рабстве своих подданных, всеми силами поддерживает ослепляющую человека религию. Эта религия подобна красавице, которая таит в себе яд. Обнимая, она зараживает, заморозив — убивает. Стрелы веры глубже проникают в мозг, чем стрелы силы, потому что смерть веры — это смерть покоя. Советская власть спасла свою страну от унижения, высвободила ее из тисков духовного порабощения, творцом которого было самодержавие. Священники в разных странах осуждают их за это, но я не могу осуждать их. Атеизм гораздо лучше религии. Глыба царизма, религии и угнетения всей своей тяжестью давила на плечи России; приехав сюда, можно собственными глазами увидеть, какие огромные возможности созданы тем, что эта глыба сброшена.

3 октября 1930 г.

Атлантический океан

Покинув Россию, я отправился в Америку. Единственной целью моей поездки в Россию было ознакомление с методами распространения просвещения и его результатами. У меня было очень мало времени.

Я придерживаюсь мнения, что основой всех нынешних бедствий, выпавших на долю Индии, является невежество. Национальная вражда, религиозная рознь, отсутствие творческой инициативы, экономическая слабость — все это связано с недостатком образованности. В перечне обвинений Индии по отношению к британскому господству Комиссия Саймона допускала лишь одно обвинение. Этим обвинением было значительное количество недостатков в постановке просвещения. Но разве этого мало? Ведь если говорят, что хозяин дома не научился быть бдительно осторожным, то разве можно поручить ему заботы о доме? Вот он бредет из комнаты в комнату, спотыкаясь о пороги и падая, минутно теряет вещи и не может найти их, боится собственной тени, принимая ее за пугало, готов на родного брата, как на вора, броситься с палкой, спит в страхе, вцепившись в подушку, а проснувшись, не рискует выбраться из дома, голодный, не знает, где поесть. У него нет иного спасения, кроме слепого упования на судьбу, и если он же еще и жалуется, что ему не дают света, разве это справедливо?

Были времена здесь, в России, когда ни в чем не повинных женщин сжигали как ведьм, ученых убивали

как грешников, жесточайшим образом подавляли свободу религии, а иные верования силой подчиняли государственным законам. Если прибавить к этому оставшиеся еще от средних веков темноту, невежество и злонаравие, то все это вместе взятое высылось бы гигантской громадой. Но как же все это исчезло? Они не пытались свалить дело устранения своей беспомощности на какой-нибудь «суд по опеке». Единственным средством, благодаря которому они оказались в состоянии начать общий подъем, оказалось образование.

Именно с помощью образования за короткий срок Япония смогла увеличить производственную мощь своей страны, объединив усилия государства со стремлениями и чаяниями всего народа.

В наши дни по пути освобождения страны от страшного бремени религиозного фанатизма идет Турция, быстрыми темпами распространяя просвещение. «Только Индия спит»¹, лишенная света. Свет, разбудивший мир,— свет просвещения — за пределами круга, в котором спит Индия.

Мой отъезд в Россию не вселял в меня особенно больших надежд. На примере Британской Индии я представлял себе, что выполнимо, а что не выполнимо. Ведь сам святой отец Томсон жалобно поведал всему миру о трудностях в деле подъема Индии. И я признавал, что трудности есть, иначе почему бы мы оказались в таком положении?

Но мне было известно, что Россия испытывала не меньшие трудности. Положение интеллигенции у них было точно таким же, как у нас. Они были беззащитны и беспомощны, с умом, задавленным денными и ночными поклонениями жрецам и божествам, верящие в колдовство и талисман, с самолюбием, повергнутым в пыль и грязь у ног сильных мира сего, лишенные всех жизненных благ современного века науки, с будущим, овеванным призраком прошлого, призраком, оковавшим их и сделавшим неподвижными на тысячи лет. Только в еврейских погромах проявлялась их безграничная звериная жестокость. Они были готовы чинить вопию-

¹ Первая строка известной бенгальской песни.

щий произвол по отношению к представителям своего класса в такой же мере, в какой они привыкли к ударам плети сильных мира сего.

Таково прошлое. А сейчас те, в чьих руках их судьба, еще не так сильны богатством, как англичане. Они стали хозяевами в своей стране только после революции 1917 года. У них не было ни средств, ни необходимого времени для создания прочной государственной системы,— везде враги, а англичане и даже американцы прямо и тайно поддерживали силы реакции, действовавшие среди них.

Трудности взятого ими на себя обязательства поднять весь народ на ноги, сделать его самостоятельным и просвещенным, во много раз больше «трудностей» правительства Индии.

Поэтому было бы несправедливым надеяться, что, приехав в Россию, я смогу увидеть очень много. Много ли мы видели и знаем из того, что могло бы вселить в нас веру? Я прибыл в Россию со слабой, едва теплящейся надеждой, на какую способен гражданин нашей несчастной страны. Но то, что я увидел, повергло меня в изумление. У меня было слишком мало времени, чтобы я мог проследить, существует ли здесь, или не существует «наведение порядка». Я слышал, что насилие есть и в достаточных размерах, наказание приводится в исполнение быстро, без колебаний, но во всех других отношениях существует свобода, однако не против мероприятий правительства. Это и есть оборотная сторона медали, но в мою задачу входило увидеть ее светлую сторону. И тот свет, который я увидел, поразил меня — неподвижное приобрело движение.

Говорят, что в каких-то святых местах в Европе божественные молитвы мгновенно исцеляли парализованных. Здесь произошло подобное. Буквально на глазах они превратили палку пешехода в колесницу ветра, и тот, кто когда-то униженно брел по дороге, за десять лет приобрел возможность мчаться на колеснице. Они стоят теперь в мире людей с высоко поднятой головой, ум их независим, руки свободны.

Наши самодержавные христианские попы помногу лет жили в Индии, они приезжали посмотреть,

насколько глубоко укоренились наши «трудности». Им бы следовало хоть раз приехать в Москву. Хотя, если бы они и приехали, это ничего бы не изменило, они ведь привыкли особенно хорошо видеть лишь темные стороны, светлое не для них, особенно для тех, кто относится неприязненно. Забывают, что не нужно сильных очков, чтобы и на лице их правления разглядеть темные пятна.

Мне почти семьдесят лет, но я еще не потерял терпения. Видя бремя страшного невежества своей родины, я считал более всего виновной в этом нашу судьбу. Слабыми силами я делал столь же слабые попытки противиться, но порванных упряжных ремней и сломанных колес оказалось слишком много для того расстояния, которое успела покрыть колесница уставших надежд. Видя бедствия наших несчастных людей, я подавлял в себе гордость. Я обращался к властям за помощью, они даже поощряли это, но брошенная милостыня унижала гордость и оставляла желудок пустым. Самое горькое и постыдное — это то, что наибольшие препятствия чинились нашими же соотечественниками, воспитанными на объедках со стола английских господ. Самой серьезной болезнью страны, находящейся под чужеземным господством, является завистливость, мелочность и предательство интересов своей родины, сильнее яда которых нет ничего на свете.

В наших повседневных суетных делах духовная жизнь человека затемняется. В разнообразном шуме государственной, экономической деятельности душа покрывается налетом грязи, и мы уже перестаем видеть ее так ясно. Следовательно, она слабеет. Я страдаю тем же, поэтому я так стремлюсь схватиться за настоящее дело. Некоторые смеются надо мной, другие сердятся и хотят перетащить на свою сторону. Не знаю, откуда пришел я на эту святую землю, но мой путь — туда, где алтарь моего бога. Бог моей жизни внушил мне веру и поклонение богу человека. Если он благословит меня, то каждый человек признает меня и будет внимать мне. Маска индийца не уменьшает препятствий. Когда они видят во мне человека, они уважают меня как индийца, они не смогут счи-

тать меня за человека, если я предстану перед ними только в образе индийца. Груз ошибок моей религии делает неровным мой жизненный путь. Мое пребывание на земле подходит к концу, и, если мне не удалось завоевать любовь, я все же должен попытаться быть правдивым.

Мои здешние впечатления достигают страны и в правдивом и в искаженном свете. Я начинаю презирать себя за то, что не могу безучастно относиться к этому. Иногда мне кажется, что мне не избежать несчастья, если я в моем возрасте, пригодном лишь на то, чтобы отправляться на покой, веду себя как строитель нового общества.

Но ведь я читал в книгах, слышал собственными ушами о «громадных затруднениях» этой страны, и я видел собственными глазами, как они их преодолевают.

4 октября 1930 г.

Пароход «Бремен»

Те, кто считает у нас политику несомненной силой, придерживаются мнения, что изящные искусства ослабляют человека. Об этом я уже писал раньше.

Русский царь был десятиглавым самодержцем¹. Его держава, подобно огромному удаву, охватывала немалую территорию, и с треском перемалывалось все, что попадало в мертвую петлю его хвоста.

Прошло почти тринадцать лет с тех пор, как революционеры вступили в бой с его славой. И когда император со своим родом канул в лету, его бывшие приближенные стали вести себя вызывающе. Их вдохновляли и вооружали иностранные империалисты. Дело, как можно понять, было нелегкое. Те, кто принадлежал к категории привилегированных, чья власть над крестьянами была безграничной, внезапно лишились всего. Начался грабеж, народ жаждал уничтожить их неограниченные сокровища. В те времена, времена анархии и произвола, вожди революции издали строжайший указ — ни в коем случае не трогать произведения искусства. Полуголодные, раздетые и разутые студенты и профессора организовывали отряды, извлекавшие из оставшихся дворцов достойные сохранения вещи и передававшие их музеям. Я вспоминаю нашу поездку в Китай. Мы видели, как европейские империалисты

¹ Здесь Тагор имеет в виду мифического правителя Цейлона Равана, которого изображают десятиглавым.

разрушили пекинский Весенний дворец, как они безжалостно грабили бесценные произведения древнего искусства. Никогда больше мир не создаст таких сокровищ.

Советская власть уничтожила частную собственность, но она не уничтожила варварски сокровища, испокон века принадлежавшие народу. Она стремится дать тем, кто до сих пор пахал землю для обогащения других, не только право на нее, но и все, что есть ценного в человеческой жизни, все ее блага и наслаждения. Животному достаточно быть сытым, человеку гораздо больше нужно развитие искусства, чем силы,— они осознали это.

Правда, в годы революции многие ценности оказались погребенными, но музеи, театры, библиотеки и концертные залы остались и еще более обогатились.

Когда-то здесь, как и у нас, бесценные сокровища хранились в основном в священных храмах. Монахи с их грубыми вкусами распоряжались ими, как хотели. Точно так же, как нынешние образованные, благочестивые господа не стеснялись лепить штукатурку на Пурийский храм¹, здешние хозяева храмов, действуя в соответствии с установившейся традицией, легко погребали славу древних,— они не задумывались над исторической ценностью ее для всех времен и народов, даже сосуды для совершения древних религиозных ритуалов отливались по-новому. И у нас многие сокровища, имеющие историческую ценность, находятся в храмах и монастырях, но никто не имеет к ним доступа. Монахи пребывают в глубоком религиозном экстазе, но для использования всего этого у них нет ни достаточно развитого ума, ни знаний. Я слышал от Китибабу, что многие древние рукописи, подобно принцессе из волшебного замка, недвижно покоятся в храмах. Высвободить их оттуда невозможно.

Революционеры извлекли сокровища церковных храмов, сделав их всеобщим достоянием. Осталось лишь необходимое для служб, а все остальное передано

¹ *Пурийский храм* — священный храм Джаганнатха в г. Пури (Индия).

в музеи. В годы революции, когда со всех сторон нависла страшная угроза тифа, когда железные дороги были разрушены, по всей стране создавались научно-исследовательские партии, разыскивающие и собиравшие произведения древнейшего искусства. Сколько было извлечено рукописей, сколько картин, сколько гравюр... И это только то, что составляло достояние храмов и дворцов. Но они сумели оценить и то, что попиралось в прошлом, что представляло собой искусство простого народа. Они ведут в огромных масштабах работу не только с картинами, но и с народными сказаниями, песнями и другими видами народного творчества.

Таков был этап коллекционирования ценностей — теперь с их помощью они учреждают систему народного образования. Об этом я уже писал раньше. Я пишу тебе об этом потому, что хочу сказать своему народу, что только десять лет назад русский народ был на той же ступени, что и наш. Какой прекрасный образец того, как образование поднимает человека, дала советская власть на примере своего народа!

Здесь есть все: наука, литература, музыка, живопись, то есть гораздо более полноценные возможности для получения образования, чем те, которыми располагает наша так называемая интеллигенция. Я прочитал в газете, что сейчас у нас в целях введения начального образования издан закон об образовательном налоге с населения и ответственность за сбор налога возлагается на помещика. То есть под предлогом введения образования намерены увеличить смертность тех, кто в настоящее время еще не успел умереть.

Образовательный налог, конечно, нужен, иначе каким образом можно возместить расходы. Но если это налог для процветания всей страны, то почему не распространить его на всех? Почему нельзя опустить руку в полные карманы тех, кто представляет собой государственный аппарат, военную администрацию, губернатора, вице-короля и его окружение?

Разве, возвращаясь в свою страну, они не пользуются жалованьем и пенсиями, полученными из насущного хлеба наших крестьян? Разве на европейских

капиталистах, наживающих прибыли на крови крестьян, поставщиков джута, и отправляющих эти прибыли в Европу, не лежит ответственность за просвещение умирающих крестьян? Разве из кошелька издающих законы об образовании и демонстрирующих тем самым энтузиазм сытого желудка нельзя покрыть хоть мизерную долю их энтузиазма?

Одним словом, сочувствие образованию? Я ведь тоже помещик, и я делаю кое-что для начального образования своих крестьян — я готов делать в два-три раза больше, если нужно, но я должен постоянно объяснять им, что я такой же человек, как они, что в их образовании — мое счастье и что я-то даю, а вот никто из властей сверху донизу не дает ни одной пайсы¹. Бремя мероприятий по всеобщему подъему в Советской России очень велико, поэтому немало людей терпят лишения, но эти трудности переживают все, сверху донизу. Эти трудности не назовешь трудностями, это — самопожертвование. Индийское правительство, создав тень просвещения под видом начального образования, за несколько дней захотело стереть темные пятна двух столетий. Но за это придется расплачиваться тем, кто менее других способен это сделать, а угодничающие чиновники, заботливо взлелеянные правительством, существуют лишь для того, чтобы стяжать славу.

Если бы я не увидел собственными глазами, я бы никогда не смог поверить, что всего за десять лет они не только вывели из тьмы невежества и унижения сотни тысяч людей и не только обучили их грамоте, но и воспитали в них чувство человеческого достоинства. Все их старания направлены, помимо собственного народа, в равной степени и на благо других народов. Однако последователи общинной религии осуждают их и называют неверующими. Но разве религия только в религиозных трактатах, разве бог только во дворе храма? А те, кто постоянно обманывает людей, где их бог?

Нужно сказать многое. Мне не приходилось раньше писать на какие-либо темы, связанные со сбором

¹ *Пайса* — мелкая индийская монета.

материала, но так как не писать было бы с моей стороны несправедливым, я начал писать. Моя задача — постепенно описать систему образования в России. Мне несколько раз приходила в голову мысль, что вам нужно ехать не куда-нибудь, а именно в Россию, чтобы посмотреть все это. Из Индии сюда приезжает много тайных агентов, приезжают и революционеры, но мне кажется, что нам следует приезжать сюда специально для изучения постановки образования.

Ну, пока хватит. Писать о себе нет настроения. Еще, чего доброго, начну воображать, что я художник. До сих пор моя слава не затронула моей души, хотя и облетела мир. И то, вероятно, благодаря провидению, а не моим личным качествам.

Сейчас я на середине океана. Что ждет меня впереди, не знаю. Тело устало, мысль ни к чему не стремится. Когда же, наконец, я получу отдых, отдав создателю, как последнюю дань, пустую чашу милостыни, горше которой нет ничего в мире.

5 октября 1930 г.

В вопросах просвещения необходимо сочетать теорию с практикой, в противном случае образование будет неполноценным. Впрочем, почему только в просвещении, то же самое следует отнести и ко всем другим видам обучения. В России распространению просвещения способствует связь с различного рода музеями. Такие музеи разбросаны повсюду — в больших городах, в областных центрах и в маленьких деревнях.

К области практики относится также и туризм. Вы-то знаете, как долго я вынашивал идею школы на колесах. Индия страна огромная, во всех областях она являет такое разнообразие, что его невозможно полностью прочувствовать, читая «Hunter's Gazetteer»¹. Когда-то у нас было принято паломничать по святым местам, разбросанным по всем уголкам Индии. Такое паломничество являлось средством всестороннего и рельефного познания Индии. Если бы студенты только с познавательной целью могли в течение пяти лет ездить по Индии, их образование было бы совершенным.

Когда мысль в движении, она легко воспринимает и усваивает различные предметы. Для мозга также необходимо перемежать уплотненные занятия с путешествием, как скоту необходимы и стойло и выгон. Пережевывание книг в стенах класса не может принести никакой пользы. Я вовсе не отвергаю полностью

¹ «Hunter's Gazetteer» — экономгеографический справочник по Индии, редактировавшийся английским экономистом Хантером.

необходимость книг — в окружающем человека мире столько предметов, знание которых необходимо, что коллекционировать их в памяти невозможно, большую их часть следует по мере надобности извлекать из общей сокровищницы знаний. Если бы студенты имели возможность еще и путешествовать, сочетая таким образом чтение литературы с изучением природы, никаких недостатков в образовании не было бы. Я много думал об этом, даже лелеял мечту достать где-нибудь средства и организовать такое бродячее обучение. Но где взять время, да и средствам неоткуда взяться!

В Советской России эта система путешествий, по моему, эффективно претворяется в жизнь. Россия огромна, разнообразны люди, населяющие ее. Пожалуй, верно, что в царские времена их встречи, знакомства и общение были невозможны. Нечего и говорить, что путешествие по стране было тогда лишь делом развлечения и было доступно только богатым людям. Советская власть предоставила эту возможность всему народу. Прежде всего советская власть стремилась везде и всюду строить здравницы для лечения и отдыха утомленных и больных трудящихся. Она приспособила для этого огромные дворцы, оставшиеся от прежних времен. Посещение этих мест служит как целям отдыха и лечения, так и расширению кругозора.

По желанию туристов походы по стране служат также и средством оказания помощи населению. Для облегчения туризма и поощрения туристов на путях их следования открылись специальные учреждения по различным отраслям знаний. Существует также система гостиниц для приезжающих. По любому интересующему их вопросу они могут получить консультацию. Кавказские республики — очень удобное место для изучения строения земли. Здесь, исходя из целей обучения методом туризма, есть возможность организовать консультационный пункт по вопросам геологии. В республиках, представляющих интерес с точки зрения антропологии, созданы консультационные пункты для туристов по вопросам антропологии.

В летнее время тысячи людей, желающих путешествовать, регистрируются в специальных учреждениях.

Начиная с мая месяца по всем дорогам ежедневно проходят партии — в каждой партии двадцать пять — тридцать туристов. В 1928 году в туристическом клубе состояло около трех тысяч туристов, а к 1929 году их стало более двенадцати тысяч. Нигде — ни в Европе, ни в Америке — нет ничего подобного. Нельзя забывать, что десять лет назад положение трудящихся в России было таким же, как у нас, — никто из них и не мечтал о возможности получить образование, отдых, лечение. То, что легко предоставляется им теперь, является у нас недостижимым не только для людей среднего достатка, но мало доступно даже богатым людям. Нашему народу, привыкшему к бюрократическому режиму, даже трудно представить себе, как пересекли здесь всю страну потоки образования.

Система здравоохранения организована так же, как и система просвещения. Созданные в Советской России научно-исследовательские институты по вопросам здравоохранения вызывают самые хвалебные отзывы ученых Европы и Америки. Для того чтобы использование медицинской науки распространилось повсеместно, среди всего народа, недостаточно, чтобы ученые писали книги и получали жалованье, необходимо следить за тем, чтобы даже в местностях, удаленных от всех культурных центров страны, люди не обрекались на смерть в антисанитарных условиях, без медицинской помощи и лекарств.

В Бенгалии нет ни одного дома, который бы не посетил туберкулез легких. После того, что я увидел в России, меня неотступно преследует мысль о том, много ли у нас здравниц для умирающих бедняков. Я вспомнил сейчас об этом потому, что христианские попы плакались американскому народу о необычных «трудностях» в управлении Индией.

Трудности, конечно, есть. С одной стороны, причиной их является наше невежество, а с другой — чрезмерные расходы на содержание государственного аппарата. Но кто, следовательно, виноват? В настоящее время Россия еще не добилась полной обеспеченности населения питанием и одеждой. Страна огромная, огромное и разнообразное население, огромная запущенность здравоохранения и образования, а теперь там

ни распространению образования, ни здравоохранению не чинится никаких препятствий. Вот почему нельзя не спросить, где же настоящие «трудности».

Здесь трудящиеся бесплатно направляются в дома отдыха и даже в санатории, где к их услугам не только лекарства, но и необходимое питание и соответствующий уход. Все это — для народа. В этой стране есть такие народности, которых нет в Европе и которых согласно европейским идеалам называют нецивилизованными.

По сумме расходов, которые в бюджете 1928 года выделены на образование этих отсталых народностей, живущих у границ или за пределами Европейской России, можно судить о тех возможностях, которые имеются здесь для образования: Украинская республика — 403 млн. рублей, Закавказские республики — 134 млн., Узбекистан — 97 млн., Туркменистан — 20 млн. 900 тысяч рублей.

Во многих республиках препятствием для распространения образования являлся арабский шрифт. Введение латинского шрифта разрешило эту проблему.

Ниже я привожу два отрывка из бюллетеня, который послужил для меня источником данных.

«Другой важнейшей задачей в области культуры является несомненно учреждение местных административных органов и перевод всей административной и общественной деятельности в федеративных и автономных республиках на родной язык трудящихся масс. Благодаря низкому культурному уровню широких масс рабочих и крестьян и нехватки достаточно квалифицированных специалистов — это совсем не простая задача, и поэтому необходимы огромные усилия для ее решения».

Это нуждается в объяснении. В Советский Союз входят несколько республик и автономных областей. Почти все они находятся за пределами Европы, и образ жизни их населения далек от современного. Из вышеприведенной цитаты ясно, что, по мнению советских людей, основным орудием просвещения является административная деятельность. Если бы государственным языком в нашей стране был родной язык нашего народа, то понимание административной деятельности для него не

было бы затруднительным. Но из-за английского языка политика управления государством остается за пределами понимания народа. Работа ведется с помощью переводчиков, непосредственного контакта нет. Точно так же, как народ лишен опыта и знаний для овладения оружием самообороны, он лишен и понимания государственной политики. Зменная петля гнета затягивается еще туже благодаря тому, что языком государственного управления является чужой язык. Я невежествен и не понимаю, какой толк обсуждать какой-либо вопрос в правительстве на английском языке. Но я уверен, что для просвещения народа в этом нет ни малейшего толка.

Еще одна цитата: «Если перед органами советской власти возникают вопросы культурно-экономического строительства в национальных республиках и округах, то они решаются не с точки зрения интересов руководства, а с точки зрения максимального развития независимости широких масс рабочих и крестьян и в соответствии с инициативой местных советских органов».

Эти слова относятся к отсталым народам. Советская власть не собирается двести лет сидеть сложа руки для того, чтобы ликвидировать все свои «трудности». Прошло ведь только десять лет! Видя и слыша все это, я думаю: «Неужели мы более отсталая нация, чем узбеки и даже туркмены? Неужели у нас во много раз больше «трудностей», чем у них?»

Да, я вспомнил. Здесь есть музей кукол. Мне давно не давала покоя мысль составить коллекцию кукол. Теперь вы начали делать это в своем хранилище разнообразных произведений искусства. В России мне подарили несколько кукол. Многие похожи на наших.

Нужно еще сказать несколько слов об отсталых народах. Я сделаю это завтра. Послезавтра утром прибуду в Нью-Йорк — кто знает, будет ли у меня там достаточно времени для письма.

7 октября 1930 г.

Я уже писал тебе о том, какие усилия предпринимаются в Советской России для просвещения остальных народов. Хочу привести еще несколько примеров.

В южной части Уральского хребта живут башкиры. В царское время положение этого народа было подобно нашему. Они веками жили на грани голода. Квалифицированному труду на больших предприятиях их не обучали, а тот тяжелый, чрезмерный труд, которым они занимались, оценивался мизерно. После революции была сделана попытка предоставить этому народу право самостоятельного управления.

Вначале ответственность за осуществление этого права пала на тех, кто в старое время принадлежал к категории зажиточных, а в наше время считается образованным — кулаков, священников. Их власть не отвечала интересам народа. В это же время началось наступление армии Колчака. Колчак был сторонником царского режима, ему сочувствовали и его поддерживали внешние враги. После того как советская власть покончила со всем этим, начался страшный голод. Хозяйства крестьян были разрушены.

Только с 1922 года могла начаться собственно советская реконструкция. С этого момента в республике стали быстро расти и просвещение и производство различных товаров. В прошлом население Башкирии было почти поголовно неграмотным. За несколько лет здесь

начали функционировать 8 средних школ, 5 сельскохозяйственных вузов, 1 медицинский институт, 2 учебных заведения экономико-статистического профиля, 17 ремесленных училищ, 2495 начальных и 87 неполных средних школ. В настоящее время в Башкирии имеются 2 государственных театра, 2 музея, 14 городских библиотек, 112 деревенских изб-читален, 30 кинотеатров в городах и 46 в деревнях, большое количество гостиниц для приезжающих в город крестьян, 891 площадка отдыха и развлечения. Десятки тысяч домов рабочих и крестьян радиофицированы. Население округа Бирбхум¹ в целом, без сомнения, стоит на более высокой ступени развития, чем башкиры. Но сравни систему просвещения и систему отдыха в округе Бирбхум с Башкирией. Необходимо сравнить и «трудности» обоих.

Среди многочисленных республик, входящих в Советский Союз, Туркменистан и Узбекистан — самые молодые. Они были созданы в октябре 1924 года, то есть шесть лет тому назад они еще не существовали. Все население Туркменистана — 1 млн. 50 тысяч человек. Из них 900 тысяч занимаются сельским хозяйством. Однако по разным причинам положение в земледелии и скотоводстве нельзя считать благополучным.

Для жизнеспособности этих республик необходимо введение в строй фабрик и заводов, то есть того, что называется индустриализацией. Здесь промышленные предприятия вступают в строй не в целях обогащения крупных местных или иностранных капиталистов, ибо право управления предприятиями принадлежит теперь всему народу. Сейчас уже функционируют одна фабрика хлопчатобумажных тканей и одна шелковая фабрика. В городе Ашхабаде построена электростанция, а в ряде других городов ведется для этого подготовительная работа. Теперь нужны кадры, овладевшие техникой. Многих туркменских юношей направляют учиться на крупные предприятия Центральной России. Всем известно, насколько затруднено обучение наших юношей на предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу.

¹ *Бирбхум* — округ в Бенгалии.

В бюллетене сказано, что система просвещения в Туркменистане испытывает трудности, которые, вероятно, очень велики. Людские поселения разбросаны далеко друг от друга в огромной пустыне, в республике не хватает дорог, не хватает воды, материальное положение населения очень затруднительно.

В настоящее время на обучение каждого человека тратится пять рублей. Четверть населения этой республики — кочевники. Наряду с начальными школами для них созданы и специальные пансионы в тех местах, где благодаря близости колодцев сосредоточивается большое население. Для учащихся даже выпускаются газеты.

В Москве, на берегу реки, в сохранившемся от старых времен красивом дворце, окруженном парком, для туркменских детей открылось учебное заведение. Сейчас там обучаются сто туркменских детей в возрасте двенадцати — тринадцати лет. Система обучения в этом заведении построена по принципу самоуправления. Эта система представляет собой несколько деятельных комитетов: таких, как комитет охраны здоровья, хозяйственный комитет, учебный комитет. В обязанности комитета охраны здоровья входит наблюдение за чистотой всего здания, классов, жилых помещений, двора. Если кто-либо из учащихся нездоров, комитет обязан вызвать доктора. В хозяйственный комитет входит несколько подкомитетов. Хозяйственный комитет обязан наблюдать за чистотой и опрятностью учащихся. Наблюдение за их дисциплиной во время занятий ложится на учебный комитет. Представители, избранные от каждого комитета, образуют правление. Члены этого правления пользуются правом голоса на заседаниях общего совета. Если между самими детьми или между детьми и кем-нибудь другим происходят столкновения, правление занимается разбором этого дела; решение правления считается обязательным для всех учащихся.

При этом учебном заведении имеется клуб. Здесь дети очень часто сами, по-своему ставят пьесы, поют, играют на музыкальных инструментах. В клубе имеется киноустановка, благодаря ей дети могут познакомиться с жизнью страны. Выходит стенная газета.

Для подъема сельского хозяйства Туркменистана

в республику посылается огромное количество специалистов сельского хозяйства. Создано более двухсот образцовых колхозов. Благодаря существующей системе землепользования и водоснабжения двадцать тысяч беднейших крестьянских хозяйств получили землю, воду и сельскохозяйственные орудия.

В этой малонаселенной республике открылось 130 больниц с врачебным персоналом в 600 человек. Автор бюллетеня стыдливо сообщает:

«Тем не менее нет никаких оснований радоваться этому факту, так как на каждую больничную койку приходится 2640 человек. Что же касается врачей, то в этом отношении Туркменистан стоит на последнем месте в Союзе. Мы можем лишь похвастаться некоторыми достижениями в области нововведений и борьбы с невежеством, хотя мы опять-таки должны предупредить читателя, что благодаря очень низкому уровню цивилизации в Туркменистане сохранились очень многие обычаи далекого прошлого. Тем не менее недавно принятые законы, имеющие целью воспрепятствовать продаже женщин в замужество и ранним бракам, привели к желаемым результатам».

Они стыдятся того, что в такой пустынной стране, как Туркменистан, за шесть лет построено 130 больниц. Мы не привыкли стыдиться по такому поводу, и потому нам это кажется особенно удивительным. Мы сталкиваемся с огромными «трудностями» и не видим никаких попыток их устранения, но, однако, нам не стыдно.

Откровенно говоря, я уже давно потерял веру в лучшее будущее своей страны. Как и христианские попы при виде стольких «трудностей», я тоже становился в тупик. Я говорил себе: такое разнообразие наций, и каждая невежественна по-своему, столько противоположных религий, сколько же нужно времени, чтобы снять с нас бремя страданий и тяжесть грехов?

Моя робкая вера в отчизну является результатом действия той же атмосферы, в какой пожинала плоды своей деятельности Комиссия Саймона¹. Приехав в

¹ Здесь Тагор имеет в виду крайне неблагоприятное отношение индийской общественности к Комиссии Саймона.

Россию, я убедился, что часы, отбивавшие рост благосостояния ее народа, были так же неподвижны, как наши, но прошло лишь восемь — десять лет, и эти веками неподвижные часы приобрели необходимый ритм движения. Их завели. Теперь я понял, что и наши часы могли бы пойти, однако их не завели. И теперь я уже не могу верить в таинственную природу наших «трудностей».

На сей раз я заканчиваю письмо несколькими выдержками из бюллетеня.

«Империалистическая политика царских генералов после завоевания Азербайджана состояла в том, чтобы превратить районы, населенные мусульманами, в колонии, предназначенные снабжать сырьем основные рынки России».

Много воды утекло с тех пор, когда ныне покойный Аккойкумар Мойтрео¹ был захвачен идеей разведения шелковичных червей. Следуя его совету, я тоже пытался ввести производство шелковичных коконов. Он говорил мне, что в разведении червей магистрат оказывал ему достаточную поддержку, но всякий раз, когда он пытался организовать шелкопрядильное и шелкоткацкое производство среди крестьян, магистрат чинил ему всяческие препятствия.

«Агенты царского правительства безжалостно осуществляли принцип «Разделяй и властвуй» и делали все, что было в их силах, чтобы разжечь ненависть и вражду между различными национальностями. Национальная вражда поощрялась правительством, мусульмане и армяне систематически натравливались друг на друга. Непрекращающиеся столкновения между этими двумя национальностями временами принимали форму массовых убийств».

Автор бюллетеня действительно чувствует смущение по поводу малого количества больниц, но не может не выразить гордости в отношении другого.

«Никогда в течение последних восьми лет не нарушался мир между национальностями Азербайджана.

¹ Аккойкумар Мойтрео — известный индийский историк.

Этот факт является несомненным, и его не могут отрицать даже самые злейшие враги Советов».

Индийское правительство не привыкло испытывать смущение, а гордиться ему нечем.

Чтобы понять причину стыда, необходимо разъяснить следующее: в бюллетене сказано, что в Туркменистане на образование каждого человека тратится 5 рублей. Стоимость рубля в наших деньгах — 2,5 рупий, 5 рублей составляют 12,5 рупий. Для сбора такого налога какая-то система у нас, безусловно, существовала бы, но, конечно, нечего опасаться, что из-за этого в самом народе возникали бы какие-нибудь столкновения.

8 октября 1930 г.

Пароход «Бремен»

О туркменах я писал раньше, они — жители пустыни, их один миллион человек. В этом письме я хочу сказать еще несколько слов о тех учебных заведениях, которые создало здесь советское правительство.

Начиная с 1 октября 1930 года, нового бюджетного года, в Туркменистане будет открыто много новых научно-исследовательских учреждений и институтов, а именно:

1. Туркменский геологический комитет.
2. Туркменский институт прикладной ботаники.
3. Институт по изучению и исследованию проблем животноводства.
4. Институт гидрологии и геофизики.
5. Институт изучения экономических проблем.
6. Химико-бактериологический институт и Институт социальной гигиены.

Деятельность всех научно-исследовательских учреждений Туркмении будет регулироваться специальным научно-исследовательским комитетом при Совете Народных Комиссаров Туркмении.

В связи с переездом туркменского правительства из Ашхабада в Чарджоу начато строительство зданий для следующих музеев: Исторического, Сельскохозяйственного, Промышленного, Торгового, Художественного и музея Революции. Кроме того, запланировано строительство обсерватории, Государственной библиотеки, Дома народной книги и Дома науки и культуры.

Отделение языка и литературы Института туркменской культуры закончило проверку и перевод на русский язык сборника туркменской поэзии, включая фольклорный материал и древнюю поэзию.

В Туркмении организованы пять передвижных культурных баз. В течение 1930 года на двух курсах по подготовке медсестер и акушерок был произведен выпуск. Всего было выпущено сорок шесть человек. Все выпускники были посланы в деревни.

8 октября 1930 г.

В последнее время я несколько раз приближался к воротам Юга¹. Это не те ворота, через которые проникает ветер, несущий аромат садов, через эти ворота душа ищет пути на волю. Доктор сказал, что обычно считается чудом, когда с такой легкостью удастся избежать последствий неожиданно возникшего препятствия на пути артерии к сердцу. Как бы то ни было, но знак посланника Ямы² уже получен, доктор сказал, что теперь нужно остерегаться. Если встать и расхаживать, в грудь вонзится стрела, если остаться лежать,— пролетит мимо. И потому, как добропорядочный человек, я провожу свои дни полулежа. Доктор сказал, что, сохраняя такое положение, можно беспрепятственно прожить еще лет десять, а потом — последний этап, наступление которого уже никто отворотить не может. Сижую, прислонившись к стенке кровати, и строчки моего письма начинают копировать линии моего тела. Подожди, сяду немного повыше.

Ты шлешь грустные вести, в таком состоянии я боялся читать: удары волн привели бы к крушению. Намеки на то, как идут дела, я получал и раньше, но для меня были утомительны длинные описания. Поэтому я сам не читал их и предоставил читать Омио³.

¹ *Ворота Юга* — по индийской мифологии, ворота, через которые души умерших входят в загробный мир.

² *Яма* — бог смерти и правосудия, по индийской мифологии.

³ *Омио Чокроборти* — современный бенгальский поэт. Был с Тагором в СССР.

Страна освободится лишь тогда, когда она силой сбросит путы, связывающие ее по рукам и ногам. С каждым рывком на лбу вздуваются жилы, но иного пути к освобождению нет. Британское господство своими руками разрывает все сдерживающие связи, и это несет нам немало страданий, но и оно немало теряет от этого. Самое главное — это то, что оно потеряло престиж. Мы боимся разнузданности сильных, однако в этом страхе есть и уважение, но разнузданность труса мы ненавидим. Сегодня английское господство проклято нашей ненавистью. Мы черпаем силу в этой ненависти, силой этой ненависти мы победим.

Я только что вернулся из России, я видел, как труден путь страны к славе. По сравнению с невыносимыми трудностями, выпавшими на долю ее верных сынов, полицейские побои — это дождь цветов. Скажите сынам нашим: все впереди, ничто не минет. Если, еще не вступив в бой, они уже кричат: «Больно!» — пусть смиренно преклонят колени.

Сегодня Индия приобрела всемирную известность только тем, что ее не сломили побои, — мы должны быть полны решимости и пренебречь страданиями. Но животные инстинкты стремятся разбудить в нас зверя; если им удастся это, мы проиграем. Мы страдаем сейчас, поэтому впредь мы страдать не будем. Пришло время доказать, что мы — люди, и если мы станем подражать животным, то благоприятный момент будет упущен. До конца мы должны говорить: «Нас не запугаешь!» Время от времени Бенгалия теряет терпение — в этом наша слабость. Если мы вцепимся друг в друга зубами и когтями, это заставит нас поклониться зверю. Пренебрегайте, пусть ничто вас не сломит! Не надо слез! Не унижайтесь!

Самое горькое — это то, что у меня уже нет сил юности. Я лежу без движения в маленькой гостинице, а время с теми, кто ушел вперед.

28 октября 1930 г.

Рабиндранат Тагор
ПИСЬМА О РОССИИ

Редактор *Э. Боровик*
Художник *М. Шлосберг*
Художеств. редактор *Г. Кудрявцев*
Технич. редактор *Ж. Примак*
Корректор *А. Юрьева*

Сдано в набор 28/III 1956 г. Подписано
в печать 1/VI 1956 г. А05779. Бум.
84 × 108¹/₂. 5 печ. л. = 4,1 усл. печ. л.
3,45 уч.-изд. л. Тираж 90 000 экз.
Заказ № 1361. Цена 1 р.

Гослитиздат.
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.
3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

